

Николай Анисимцев
Научный сотрудник Института ДВ РАН

Анисимцев Николай Владимирович.
Окончил Санкт-Петербургский (Ленинградский) государственный университет (1976 г.). Востоковед-историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (г.Москва) 2008-2011 гг. – стажировался в КНР (Пекин, Шеньчжэнь). 2014 г., июль-декабрь – стажировка в Пекине (университет Жэньминь дасюэ). 2018 г., январь – декабрь – стажировка на Тайване, г. Тайбэй – стипендиат Центра синологических исследований, Приезжий исследователь при Национальном тайваньском университете.
Опыт работы: 1976-78 гг. – преподаватель всеобщей истории исторического ф-та Ивановского государственного университета. 1985-1992 гг. – старший научный редактор (словарей на восточных языках) издательства «Русский язык».
Изучаемые темы (с 2000 г.): эволюция гражданского и предпринимательского права КНР и Тайваня, историография КНР, политическая система Японии.
E-mail: anisimtsev@yandex.ru, Сайт: www.anisimnik.ru

ISBN 978-5-8381-0405-2

9 785838 104052

Н. В. АНИСИМЦЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КИТАЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Н. В. АНИСИМЦЕВ

**СТАНОВЛЕНИЕ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ
ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА КИТАЯ**

**СБОРНИК СТАТЕЙ
(2013 – 2021 ГГ.)**

Москва
ИДВ РАН
2022

УДК 347(510)
ББК 67.404(5Кит)
А67

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензент:

доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией ИДВ РАН *Наталья Леонидовна Мамаева*

Анисимцев Н.В.

А67 Становление и модернизация гражданского права Китая. Сборник статей (2013—2021 гг.) / Н.В. Анисимцев; Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. — М.: ИДВ РАН, 2022. — 168 с.

ISBN 978-5-8381-0405-2

Монография включает ряд статей, написанных в 2013—2021 гг. и объединенных общностью темы — гражданское право КНР и Тайваня, и приурочена к вступлению в силу с 1 января 2021 г. Гражданского кодекса КНР, первого в истории народной республики. Параллельно на о. Тайвань действует гражданское законодательство, сформированное еще в 1929—1930 гг. в буржуазной (гоминьдановской) республике на континенте. Проблемы развития гражданско-правовых институтов рассматриваются в контексте процесса модернизации китайского общества в целом соответственно принятому в современной российской историографии освещению модернизации. Предлагаемая вашему вниманию книга будет полезна всем, кто хочет ознакомиться в целом с данными аспектами китаведения.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Гражданский кодекс КНР, Тайвань.

УДК 347(510)
ББК 67.404(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0405-2

© Анисимцев Н.В., 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
(IFES RAS)

Anisimtsev N.V.

**The Formation
and Modernization
of the Chinese Civil Law**

Moscow
IFES RAS
2022

Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences

Reviewer:

*N.L. Mamaeva, Dr. Sc. (History), Head of the Center for the Study
of Contemporary History of China and its Relations with Russia, IFES RAS*

**The Formation and Modernization of the Chinese Civil Law. Collection of articles
(2013—2021) / N.V. Anisimtsev. — Moscow: IFES RAS, 2022. — 168 p.**

The monograph includes a number of articles written in 2013—2021 and united by a common theme — the civil law of the PRC and Taiwan. The publication is timed to coincide with the entry into force on January 1, 2021 of the Civil Code of the PRC, the first one in the history of the People's Republic. At the same time, Taiwan has a civil law that was formed back in 1929—1930 in the bourgeois (Kuomintang) republic on the continent. The problems of the civil law institutions development are analyzed in the context of the process of the Chinese society modernization as a whole, in accordance with the coverage of modernization accepted in modern Russian historiography. The book brought to your attention will be useful to anyone who wants to get acquainted with these aspects of Sinology.

Keywords: People's Republic of China, Civil Code of the People's Republic of China, Taiwan.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Дуализм и гармония «социалистической системы права с китайской спецификой»	9
Становление гражданско-правовой системы современного Китая	26
История и современные проблемы модернизации гражданско-правовой системы КНР	36
Новый этап подготовки гражданского кодекса КНР	47
1 января 2021 г. — день вступления в силу Гражданского кодекса КНР	60
Теоретические проблемы модернизации КНР в свете российского китаеведения (1978—2015)	88
О модернизации Тайваня: вещно-правовой аспект	132
Договорное право Тайваня	159

CONTENTS

Preface	7
Dualism and harmony of the “socialist legal system with Chinese characteristics”	9
The formation of the civil law system of modern China	26
History and contemporary issues of modernization of the civil law system of the PRC	36
A new stage in the preparation of the Civil Code of the People's Republic of China	47
January 1, 2021 — the day of entry into force of the Civil Code of the People's Republic of China	60
Theoretical problems of China's modernization in the light of Russian Sinology (1978—2015)	88
On the modernization of Taiwan: the proprietary aspect	132
The Taiwan contract law	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое января 2021 г. — важная дата в истории Китайской Народной Республики — день вступления в силу первого в истории КНР Гражданского кодекса страны.

С победой Народной революции в Китае и провозглашением образования КНР 1 октября 1949 г. новая власть страны упразднила действовавший до этого Гражданский кодекс Китайской Республики (Гоминьдановского правительства). Со времени своего образования КНР управлялась на основе отдельных правовых актов — законов и указов, регулирующих жизнь гражданского общества.

Практически все 70 послереволюционных лет в руководстве страны велась работа по подготовке всеобъемлющего документа, имеющего важнейшее значение для жизни гражданского общества страны. Работа временами продолжалась или прерывалась и снова возобновлялась, но в итоге она увенчалась масштабным правовым кодексом.

Настоящая книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой серию статей, написанных и частично опубликованных в период 2013—2021 гг., которые посвящены теме формирования гражданско-правовой идеологии руководства страны и научной мысли КНР, замыслов и путей их реализации в процессе строительства современного социалистического общества с присущей ему китайской спецификой.

Автор надеется, что данная серия статей поможет читателям лучше понять предпосылки, процесс и его этапы, ключевые проблемы, разнообразие путей, подходов и методов формирования гражданско-правового пространства этой древней и великой страны, что, в свою очередь, поможет правильно оценить достижения китайских реформаторов и открывающиеся перспективы развития китайского общества.

В своей исследовательской работе автор опирался не только на собственное изучение документов и литературы на языке оригинала, но и учитывал работы исследователей других стран, в том числе российских исследователей (здесь нельзя не упомянуть работы китаистов-правоведов Л.М. Гудошникова, Е.Г. Пащенко, П.В. Бажанова, В.Г. Ганшина, П.В. Трощинского, А.Р. Зайнагабинова и многих других).

Приоритетное внимание в сборнике уделяется не освещению специальных и узкоспециальных юридических аспектов Гражданского кодекса, а рассмотрению главного для автора вопроса — какова правовая политика, представленная в данном ГК, в целом и как она соотносится с целостной стратегией развития китайского общества, каков общий баланс публично-правовых и частно-правовых подходов, тенденций в деле формирования страны. По этой причине в сборник включена обзорная статья «Теоретические проблемы модернизации КНР в свете российского китаеведения (1978—2015)», представляющая в целом политico-экономический фон развития современного Китая и его интерпретации в трудах российских китаеведов. В этой связи автор выдвигает концепцию своеобразия развития китайского общества, в котором рыночная экономика и многоукладность его социальной структуры развиваются не по пути западного типа «цивилизации», а по пути традиционного евро-азиатского общества, своеобразие которого автор определяет и предлагает именовать как «публицитет».

В сборник также включены две статьи, посвященные современному гражданскому праву «Китайской республики» на о. Тайвань, а именно — вещному и контрактному праву Тайваня. Тайвань тысячами исторических, этнических, лингвистических, экономических нитей связан с Китаем. Гражданский кодекс Тайваня (гоминьдановский) является предшественником современного гражданского права КНР, и знакомство с ним обязательно для изучающих историю права Китая. Знание этих аспектов тайваньского права будет весьма полезно и для участников современного делового сотрудничества России и Тайваня — одной из наиболее успешных в сфере бизнеса и развития технологий стран Восточно-Азиатского региона. Наконец, знакомство со стратегией гражданско-правового развития Тайваня представляет собой и значительный общемировоззренческий интерес: общественный строй современного Тайваня дает хороший образец, так сказать, «интегрального строя» общества, в котором обеспечен оптимальный баланс публично-правовых и частно-правовых методов управления, успешно развивается процесс «конвергенции» социальных принципов и систем. Знакомство с гражданским правом Тайваня дает пищу для размышлений и сопоставлений, косвенного понимания тенденций развития КНР на пути в завтрашний день.

Автор скромно надеется, что хотя его работы и не претендуют дать исчерпывающий ответ на все основные вопросы о развитии гражданско-правовой системы Китая, тем не менее они помогут читателю быстрее прийти к пониманию круга проблем, процессов развития этой древней огромной сложной страны.

ДУАЛИЗМ И ГАРМОНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

(Статья впервые опубликована в журнале «Реформы и право». 2013. № 2. С. 57—64.)

Отчётный доклад XVIII съезду КПК, состоявшемуся в ноябре 2012 г., подтвердил, что руководство партии и государства придаёт важное значение в деле строительства «социализма с китайской спецификой» праву как инструменту управления всем развитием страны. «Сложилась социалистическая правовая система с китайской спецификой, заметные результаты дало строительство правового социалистического государства»¹, — заявил в своём докладе генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао.

Дополнительным подтверждением постоянного и глубокого внимания руководства КПК и КНР к этому аспекту государственного и общественного строительства служит выпуск в последние годы Службой информации при Государственном совете КНР двух «Белых книг», в которых специально освещаются проблематика и достижения правового строительства в КНР за период «реформ и открытости». В августе 2008 г. вышла книга «Правовое строительство в Китае»², а в октябре 2011 г. свет увидело издание «Правовая система социализма с китайской спецификой»³, подытожившие результаты истекших 30 лет развития.

Данные публикации подтверждают известные истины: в праве самым чистым образом отражаются тенденции развития общества и государства, их политическая культура. С другой стороны, не возможно глубокое понимание правовых тенденций без понимания эволюции базисных и надстроечных институтов общества. Партийные и государственные документы КНР так определяют эту взаимосвязь: «К 2010 г., — говорится в Белой книге “Система права социализма с китайской спецификой”, — задача построить названную систему выполнена. “Система права социализма с китайской спецификой” является правовым основанием социа-

лизма с китайской спецификой, заключающей в себе его природу, правовым отражением новаторской практики социализма с китайской спецификой, правовой гарантией процветания социализма с китайской спецификой. Её установление является важным краеугольным камнем в развитии Китаем социалистической демократии и системы права, демонстрирует великие достижения реформ, открытость и стимул к социалистической модернизации. Она имеет великое практическое и далеко простирающееся историческое значение⁴.

Нынешние достижения имеют длительную предысторию. По некоторым суждениям, начало формирования правовой системы «социализма с китайской спецификой» (СКС) относится уже к первым годам со дня провозглашения КНР; по другим документам, речь идёт о правовых итогах развития последних 30 лет — о периоде «реформ и открытости».

До образования КНР в 1949 г. и в первые годы её существования по причине исторической отсталости страны роль права, закона в китайском обществе была незначительной. Подобное положение было предопределено как традиционной, феодальной политической культурой страны, её общей неразвитостью, так и резко негативным отношением новой революционной власти к правовому наследию своего свергнутого противника — гоминьдановского режима. Основной объём правового регулирования в первые годы существования КНР выполнялся властями в политико-административном стиле.

Вместе с тем Коммунистическая партия Китая, возглавившая народ на пути строительства социализма, сознавала важность права как инструмента народовластия и сразу же взяла курс на формирование новой, социалистической по характеру законности народно-демократического государства.

Уже в начальный период государственного строительства в 1949—1954 гг., ещё до созыва первого Всекитайского собрания народных представителей, Китай ввёл в действие Общую программу Политической консультативной конференции китайского народа, которая исполнила роль временной конституции КНР. В 1954 г. была принята первая Конституция КНР, закрепившая победу народно-демократического строя и развитие Китая по пути строительства социализма. В этот период решалась поставленная в 1956 г. VIII съездом КПК задача постепенного и систематического формирования целостной правовой системы. Всего до разразившейся в 1966 г. «Великой пролетарской культурной революции» было разработано и принято 130 важных законов и декретов.

В годы «культурной революции» правовая система социалистического Китая подверглась разрушению, уступив место радикальной левацкой утопии «казарменного коммунизма», при котором насаждался произвол,

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КНР

(Опубликовано в журнале «Политика и Общество». 2016. № 4. С. 413—421)

К началу «курса реформ и открытости», провозглашённого Коммунистической партией Китая в 1978 г., Китай уже имел некоторый собственный опыт гражданского и коммерческого законодательства.

Ещё в эпоху правления династии Цинь (1644—1912) сложился и действовал обширный свод казусов, именовавшийся «Основные законы и постановления Великой династии Цинь» (*Дацин луйли*), некоторые положения которого служили регулированию отношений частной жизни. Некоторые положения этого средневекового кодекса использовались судами Китая вплоть до 1931 г.

В конце XIX века иностранные советники при Циньском дворе ознакомили Китай с основами зарубежного гражданского права — гражданскими кодексами (ГК) Японии и Германии, тогда же был подготовлен и первый проект ГК Китая.

Но первый ГК Китая был промульгирован только в 1929—1930 гг. (частями) в период Китайской Республики, под властью партии Гоминьдан. Он функционировал до провозглашения образования КНР 1 октября 1949 г. Разработкой этого ГК руководил главный советник Гоминьдана, его комиссии по ревизии и кодификации законов профессор Гренобльского университета Жан Эскарра. Основой гоминьдановского ГК послужил черновик, подготовленный ещё в эпоху правления Цинов, он в значительной степени опирался на достижения зарубежной правовой мысли — японский гражданский кодекс от 1896 г., германский гражданский кодекс от 1896 г., французский гражданский кодекс от 1904 г., также были учтены и правовые нормы Швейцарии, Бразилии, Советского Союза, Таиланда, коммерческие кодексы Турции, Италии.

Специфическая черта кодекса, отличавшая его от японского и германского кодексов и от циньского проекта, — он не стал заимствовать разделение гражданского и коммерческого кодекса, а объединил их. При этом ряд коммерческих положений оказался в тексте гражданского кодекса, а ряд — вынесен в отдельные коммерческие законы и кодексы: законы об оборотных документах, о страховании, о коммерческих компаниях, Морской кодекс. Гражданский кодекс Гоминьдана функционировал до 1949 г.

Новая революционная власть сразу же упразднила гоминьдановский ГК и приступила к подготовке своего нового кодекса.

Необходимость юридической реформы была признана в КНР ещё в 1949 г. в Общей программе Народной политической консультативной конференции. Но реальная попытка разработки нового гражданского кодекса была сделана после принятия Конституции 1954 г. Исследовательский кабинет-офис при Постоянном комитете ВСНП ещё в 1954 г. начал подготовительную работу и подготовил к 1956 г. проект в четырёх книгах с общим содержанием 525 статей. Проект базировался на опыте Гражданского кодекса РСФСР от 1922 г. (а тот в свою очередь базировался на германском гражданском кодексе). В проекте естественно отдавалось предпочтение публично-правовым интересам и нормам. Но и эта первая при социализме в Китае попытка принятия гражданского кодекса оказалась сорванной по причине политических кампаний 1957—1958 гг. — борьба против «правых буржуазных элементов», «большой скачок».

Вторая в истории КНР попытка принять гражданский кодекс была предпринята в «период урегулирования» последствий «большого скачка» в 1962—1964 гг. После левацких экспериментов «большого скачка» партия признала необходимость использовать товарные отношения. В 1962—1964 гг. был подготовлен новый проект гражданского кодекса и представлен на обсуждение ВСНП 1 июля 1964 г.

Проект содержал в себе 15 глав, всего 262 статьи. В целом он больше напоминал политическую декларацию, нежели выверенный правовой документ. Отношения экономических субъектов рассматривались как иерархические отношения государства с подчинёнными субъектами, а не как «горизонтальные» отношения равноправных сторон. В проекте отсутствовали понятия юридического лица, положения о нарушениях гражданских прав и средствах гражданской правовой защиты. И этот проект из-за вскоре начавшейся «Великой пролетарской культурной революции» был быстро свёрнут.

В последующий период вплоть до 1978 г. сфера правового регулирования гражданско-правовых отношений представляла собой фактически правовую пустыню. Понимание гражданского права в КНР изначально

жёстко увязывалось с функционированием «товарной экономики». Поскольку под руководством Мао Цзэдуна существование в КНР «товарной экономики» оспаривалось, то и потребность в развитии частно-правовых отношений и гражданского права не осознавалась должным образом. Поэтому на деле существовали и функционировали лишь два закона — Закон о земле и Закон о браке. Только после смерти Мао существование товарной экономики при социализме было признано, была признана и потребность в развитом гражданском праве.

С самого начала реформ на рубеже 1980-х годов в руководстве партии и государства наметились два различных подхода к задаче гражданско-правового строительства. Пэн Чжэнь, председатель комиссии ВСНП по законодательной работе и вице-председатель КНР, предложил одновременно готовить ГК страны и принимать отдельные законы, чтобы сформировать гражданскую правовую систему «за один шаг». Но подобный подход должен был столкнуться с огромным количеством трудностей: правовая наука страны, область сравнительного права находились в зачаточном состоянии; руководство страны и научная общественность рисковали надолго погрузиться в умозрительные теоретические дискуссии, далекие от повседневной жизни страны. Иной подход предложил Дэн Сяопин — осуществлять правовые реформы постепенно, разрабатывать законы и проекты поэтапно, оперативно откликаясь на актуальные требования жизни. Возобладал подход Дэн Сяопина, руководство Китая приступило к опережающей разработке и принятию отдельных законов, а разработка гражданского кодекса в целом осуществлялась второй очередью.

В процессе формирования современной гражданско-правовой системы КНР с 1978 г. просматривается три основных этапа.

В первый период преобразований (1978—1992) приоритетом государства стало принятие отдельных самых неотложных гражданско-правовых актов.

С целью дать импульс развитию производительных сил, быстро поднять жизненный уровень народа ставка была сделана прежде всего на привлечение иностранного капитала и технологий. Был принят ряд законов. В 1979 г. 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) приняла Закон КНР о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом. В 1986 г. 4-я сессия ВСНП 6-го созыва приняла Закон КНР о предприятиях иностранного капитала. В 1988 г. 7-я сессия ВСНП приняла Закон КНР о кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием. Данные три закона помогли привлечь в страну иностранный капитал, насытить страну передовыми зарубежными технологиями и опытом управления, дали в целом позитивные результа-

ты. И хотя они претерпевали некоторые ревизии, они дожили до сего дня и продолжают функционировать.

Не меньшее значение имело и принятие ряда нормативных актов, призванных раскрепостить процесс внутреннего накопления капитала и его инвестирование в предпринимательство. Госсовет принял серию соответствующих указов: «Положения КНР о преобразовании хозяйственного механизма промышленного предприятия общенародной собственности», «Временные положения об ответственности за арендное управление промышленными предприятиями общенародной собственности», «Временные положения об арендном управлении малыми промышленными предприятиями общенародной собственности», «Положения о волостных и деревенских предприятиях коллективной собственности», «Временное положение о частных предприятиях». Они открыли простор для развития внутренних сил национальной рыночной экономики.

По мере развития товарного производства, отношений рыночного обмена, распределения, роста потребления элементы рыночной экономики всё чаще обнажают несовершенство, недостаточность административных методов руководства экономикой, становились очевидными огромные преимущества договора как инструмента распределения прав и обязанностей между участниками процесса товарно-рыночных отношений. И руководство страны принимало необходимые для разрешения данной проблемы шаги. В 1981 г. 4-я сессия ВСНП 5-го созыва утвердила Закон КНР о хозяйственных договорах. В 1985 г. на сессии ВСНП Постоянный комитет принял Закон КНР о внешнеэкономическом договоре. А в 1987 г. Постоянный комитет ВСНП утвердил Закон КНР о техническом договоре. Эти законы в совокупности содействовали утверждению в хозяйственной жизни Китая принципов равноправия и эквивалентности обмена, самостоятельности и ответственности субъектов правоотношений.

В процессе развития рыночных отношений всё отчётливее проявлялась роль нематериального, интеллектуального имущества, значение патентов и марок. О своих социальных и экономических правах и интересах всё чаще заявляли изобретатели, новаторы. И руководство Китая предприняло серьёзные шаги для защиты интеллектуальной собственности, обеспечения прав этой категории граждан. В 1982 г. ВСНП утвердило Закон КНР о товарных знаках, в 1984 г. Постоянный комитет ВСНП 6-го созыва утвердил Закон КНР о патентах, в 1990 г. Постоянный комитет ВСНП 7-го созыва принял Закон КНР об авторском праве. Принятые законы дали стимул изобретательству и научному творчеству, способствовали международному сотрудничеству в сфере охраны прав интеллектуальной собственности.

Процессом развития товарно-денежных отношений была затронута и социальная сфера, семейно-брачные отношения. В новых исторических условиях старый Закон о браке от 1950 г. не соответствовал новым явлениям жизни, в 1980 г. он был ревизован. В 1985 г. был принят новый Закон о наследовании, а в 1991 г. — Закон об усыновлении. Ими были определены новые нормы семейно-брачных отношений.

Эти меры позволили оперативно запустить процесс рыночных преобразований экономики и социальной сферы.

Историческая речь Дэн Сяопина, произнесённая во время его путешествия на юг Китая в 1992 г., открыла новый, следующий этап, обозначила новые актуальные акценты в социальном и политическом развитии страны, дала мощный импульс нововведениям в сфере гражданского законодательства. 14-й съезд КПК в октябре того же года подтвердил курс Китая на формирование общества «социалистической рыночной экономики».

В 1980-е годы и позднее в правовой науке КНР протекали острые дискуссии о природе и сфере действия гражданского права: является ли гражданское право по своей природе частным или публичным правом? Существует ли наряду с гражданским правом и «экономическое право» (нормы которого имеют не диспозитивный, а императивный характер)? Эти дискуссии между «цивилистами» и «экономистами» (в смысле приверженцами «экономического права» как инструмента публично-правового вмешательства в экономику) продолжались активно до начала 1990-х годов. С 1992 г. идеи «экономического права» были потеснены концепцией «социалистической рыночной экономики», провозглашённой Дэн Сяопином и нацеливающей страну на углубление рыночных преобразований. Споры поутихли, и китайский законодатель сосредоточился на активном принятии законов в сфере коммерческого права (в КНР коммерческое право не обособляется от гражданского).

В 1992 г. принимается Закон о морской торговле; в 1993 г. — Закон о компаниях; в том же году — Закон о защите прав потребителей; далее: 1995 г. — Закон о гарантиях; 1995 — Закон о страховании; 1995 г. — Закон о векселях; 1997 г. — Закон об артельных предприятиях; 1998 г. — Закон о ценных бумагах; 1999 г. — Закон о договорах; 1999 г. — Закон об индивидуальном самостоятельном предприятии; 2001 г. — Закон о посредничестве; 2002 г. — Закон о подряде сельских земель; 2006 г. — Закон о банкротстве; 2007 г. — Закон о вещных правах; 2008 г. — Закон о государственных активах предприятий; 2009 г. — Закон об ответственности за нарушение прав; 2010 г. — Закон о применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц.

Процесс разработки и принятия отдельных законов, формирования гражданского права постепенно, продвигаясь вперёд «на ощупь», не был гладким и безошибочным. Статьям закона, сформулированным слишком конкретно, не хватает простора для функционирования. И наоборот, слишком широким «программным» формулировкам не достаёт практической применимости. Для преодоления подобных проблем, устранения противоречий в законодательстве появлялось множество судебных комментариев, иногда комментариев становилось больше, чем статей самого закона. Тогда по прошествии 5—6 лет приходилось править или принимать новый закон. В итоге судебные комментарии подменяют закон, судебная власть подменяет законодательную, жизнь некоторых законов не долговечна.

По этой причине принятие новых законов сопровождалось частой правкой ранее принятых законов. Поправки вносились в Закон о браке, Закон об артельных предприятиях, Закон о компаниях, Закон о страховании, Закон о ценных бумагах, Закон о предприятиях совместного капитала, Закон о предприятиях иностранного капитала, Закон КНР о кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием, Закон о товарных знаках, Закон о патентах, Закон об авторских правах, Закон о договорах, Закон о гарантиях.

Тем не менее постепенно и неуклонно утверждались частноправовые нормы.

В эти первые два десятилетия реформ — 1980-е и 1990-е годы — параллельно велась подготовка единого гражданского кодекса. Созданная в 1979 г. внутри Комитета по законодательству при ВСНП группа провела своё первое заседание 3 ноября 1979 г. и к маю 1982 г. представила третий проект ГК (первый — в 1954 г., второй — в 1964 г.). Проект представлял собой четыре различных варианта гражданского кодекса. Проект в целом базировался на принципах гражданского законодательства СССР от 1962 г., Гражданском кодексе РСФСР от 1964 г., Венгерском гражданском кодексе от 1978 г. Все проекты выражали социалистическую ориентацию страны и создавались в русле традиции Германского гражданского кодекса. Проект оказался чересчур громоздким, авторам не хватало опытных знаний, поэтому он не был одобрен. Тем не менее он стал основой для последующей работы.

Определённой вехой в работе над гражданским кодексом стала акция Верховного суда КНР, который в 1984 г. опубликовал «Мнение Верховного народного суда КНР о некоторых правовых проблемах осуществления гражданской политики». По содержанию «Мнение» касалось вопросов семьи и наследования — брака, усыновления, опеки, алиментов, содержания, наследования, также проблем жилья, домовладений с участка-

ми, прочих вещных прав; рассматривались и вопросы долговых прав, обязательств, компенсации убытков. Этот документ впервые комплексно очертил сферу компетенции гражданского правосудия в КНР.

Вся вышеприведенная подготовительная работа увенчалась в 1986 г. рождением Общих положений гражданского права КНР (*минфа туницэ*).

Документ по настоящее время является наиболее общим выражением гражданского законодательства КНР и занимает место своеобразного гражданского кодекса. Введен в действие с 1 января 1987 г. Документ содержит 9 глав, 156 статей. По содержанию он охватывает трактовку общих принципов гражданского права, систему гражданских субъектов, систему правовых действий, представительства, прав и ответственности граждан, систему исковой давности и т. д. Как пишут китайские учёные Сунь Сяньчжун и Чжан Чжэнчжан, документ утверждает рациональные подходы на уровне основных норм социалистической государственной и коллективной собственности: отныне такие гражданские права, как личные, вещные, обязательственные, интеллектуальной собственности, больше не третируются как капиталистические права и взгляды. Принятием этого документа законодатель признал, что наряду с государством существует сильное гражданское общество и гражданское право, и они регулируются нормами частного права. Объектом регулирования являются личные и имущественные отношения равноправных субъектов. Переход имущества из рук в руки осуществляется через посредство правовых действий — купля/продажа, бартер, дарение. Даже переход имущества как бы недоговорным образом (наследство, компенсация за ущерб) также следует принципу справедливости, равенства, соблюдения прав человека, т. е. также соответствует принципам рыночной экономики и гражданского права.

Принятие Общих положений гражданского права было завершением серьёзной идеиной и политической борьбы в китайском руководстве и заложило правовой базис для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в КНР.

На рубеже нулевых годов модернизация КНР вступает в новую стадию. В 2001 г. КНР была принята в ВТО. Модернизация распространяется не только в социально-экономическую, но и общественно-политическую сферу жизни страны. Это побудило руководство страны после некоторого перерыва с новой энергией взяться за подготовку полного гражданского кодекса.

Третий этап правовой модернизации начался в 1998 г., когда ВСНП образовал группу из девяти выдающихся учёных-правоведов, с их помощью была принята стратегия «Трёх шагов»: предполагалось принять завершённый закон о договорах, далее в течение 4—5 лет подготовить и

ввести закон о вещных правах и, наконец, к 2010 г. должен был быть завершён полный текст гражданского кодекса.

Эта группа в 1999 г подготовила Закон КНР о договорах, и он был принят. Тем самым были объединены Закон об экономических договорах, Закон о внешнеэкономических договорах и Закон о технологических договорах. Система контрактов приобрела единство, унификацию.

В декабре 2009 г. была завершена работа над Законом КНР об ответственности за нарушение прав, и с 1 июля 2010 г. закон введен в действие. Тем самым была подготовлена и утверждена важная часть норм обязательственного права КНР.

Судьба же единого гражданского кодекса снова оказалась неясной, спорной, подверженной многообразным перипетиям. В декабре 2002 г. Постоянный комитет ВСНП провёл первые слушания по так называемому сентябрьскому проекту ГК КНР, подготовленному группой. Но проект опять был отклонён. В июле 2004 г. ВСНП изменил план законодательной деятельности; через некоторое время он приостановил работу над проектом ГК и одновременно принял решение возобновить обсуждение и корректива по проекту закона о вещных правах.

Готовя закон о вещных правах, законодатели снова двигались по модели, принятой в 1980 г. (принимать законы, так сказать, «в розницу»), и постепенно преодолевали и устраивали отдельные препятствия. В итоге, через череду обсуждений к марта 2007 г. был подготовлен и принят и Закон о вещных правах.

Таким образом, на 2011 год гражданско-правовая система КНР включила в себя 33 действующих закона. Это законодательство активно работает, применяется в стране. Так, в 2010 г. суды рассмотрели 6 112 695 гражданских и коммерческих дел, что составило 61,34 % от общего числа судебных дел в стране за год .

Что же касается единого гражданского кодекса, то он остаётся в повестке дня. Дискуссии на разных площадках продолжаются (к примеру, в сентябре—октябре 2014 г. под эгидой Академии общественных наук КНР прошла ежегодная масштабная конференция Общества изучения китайской цивилистики, посвящённая проблемам содержания ГК).

Интересный анализ задач китайских законодателей в сфере гражданского права предлагает проф. Ян Лисинь (университет Женьмин дасюэ). Для завершения формирования гражданского права КНР необходимо ещё принять: 1) единый полный ГК; 2) закон о личных правах; 3) общие положения обязательственного права; 4) осуществить ревизию Закона о гарантиях. На этом работа будет в основном завершена.

Проблема действующих Общих положений гражданского права КНР в том, что они сформулированы слишком обобщённо и неполно. У зако-

нодателей нет единства мнений даже по структуре необходимого стране гражданского кодекса.

Ещё одна дискуссионная проблема — закон о личных правах. Комитет правовой работы при Постоянном комитете ВСНП, разработчики проекта кодекса настаивают, что закон должен быть принят отдельно от ГК, вынесен за его рамки. Их аргументация: концепция прав человека в современном мире претерпевает стремительное развитие, изменения, возникают даже новые права (например, право на «приватность»). Более того, значение проблем прав человека по своему масштабу выходит за рамки частного права; фактически это самая важная часть частного права, поэтому данный раздел нужно вынести за рамки кодекса. Оппонирующие им учёные считают, что понятие прав человека естественно сочетается с характером гражданской субъектности, трудно отделимо от гражданских субъектов, поэтому проблематику личных прав желательно включать в ГК.

Проблема общих положений обязательственного права также оказалась в фокусе полемики между научными кругами и законодательными инстанциями. Законодатели выступают против принятия общих положений обязательственного права, предлагаю ограничиться уже существующим Законом о договорах, который, как известно, является важнейшей частью обязательственного права. Научная общественность настаивает, что нужно указать и причины возникновения обязательственных прав, их цели, виды, изменения и переходы, прекращение их, гарантии прав, т. е. призывает дать развёрнутую, полную и конкретную характеристику обязательственного права.

Нет единого видения и «стилистики» будущего ГК. Как он будет написан, какой стиль формулировок предпочтут законодатели — будет ли ГК по своей архитектуре образцом «мягкого сочленения» или это будет «жёстко интегрированная форма»? Речь, по-видимому, идёт о том, насколько конструкция и формулировки кодекса будут эластичными, допускающими перестройки, ревизии, дополнения и сокращения, с нечёткими гранями и границами или же они будут монолитными, полностью завершёнными, отторгающими любые корректизы. Законодатели скорее тяготеют к стилистике «мягкого сочленения», их позиции сильнее, чем у оппонентов.

Очевидно, что КНР, добившись за годы реформ выдающихся успехов в развитии современной рыночной экономики, соответствующего уровня современных гражданских правоотношений, качественных изменений в материальной, духовной и культурной жизни народа, в то же время испытывает значительные трудности в разработке и принятии гражданского кодекса.

Глубинный источник сложностей при разработке гражданского кодекса и законодательства в целом коренится в самой природе частного права. Об этом пишет Чень Цзяньфу. Частная жизнь общества не должна тесно зависеть от тех или иных быстротекущих перемен в надстройке общества. Общество, отношения брака и семьи, собственности консервативны по своей природе, они стремятся к устойчивости, к значительной степени автономии от действий власти, от экономических и политических перемен. Поэтому принципы частного, гражданского и коммерческого права стремятся к универсальным ценностям и сторонятся следования индивидуальным подходам и требованиям. Нормы гражданского права характеризуются абстрактностью и избегают партикуляризма, привязки к конкретике. Абстрактность норм есть предпосылка их приемлемости для разных сторон, условие равноправия сторон-субъектов, причина универсального распространения этих норм.

Но при этом возникает проблема: а какова роль и место социалистического государства в гражданско-правовом регулировании жизнедеятельности общества? Поиски ответа вылились в дискуссии о степени автономности частной жизни и степени, долг и праве государства на интервенцию в экономическую и общественную жизнь, в споры между сторонниками универсального характера частного права и сторонниками права окказионального вмешательства (*ad hoc*) властей в конкретные ситуации с целью принятия индивидуализирующих, партикуляристских решений.

Законодательная политика Китая неизбежно колеблется между этими двумя подходами — универсалистским и партикуляристским. Речь здесь идет о противоречии диалектического характера. Рассуждая философски, чем более динамична, агрессивна субстанция, тем более прочными должны быть стены контейнера, сохраняющего ее в целостности. И эти грани — универсализма и партикуляризма — выражают себя и в подходах к законотворческой работе.

Если в начале большого пути — «реформ и открытости» — руководство КНР отложило принятие ГК на будущее, исходя из неразвитости в Китае как рыночной экономики, общественных отношений, так и правовой мысли, отсутствия практического и научного опыта, то в настоящее время принятие ГК тормозится уже соображениями иного рода, политического характера.

Гражданский кодекс, в отличие от отдельных законов, является документом, закрепляющим большую политическую стратегию государства; это фактически вторая, социально-экономическая, конституция государства, выражающая его «цивилизационный» выбор. В отличие от законов, которые можно принимать, менять, отменять сравнительно легко и

быстро, кодекс предполагает устойчивость; это долгосрочная программа, фундамент множества других правовых конструкций. Принятием гражданского кодекса государство пересекает своеобразный Рубикон, делает стратегический выбор, связывает себя строгими обязательствами перед обществом на долгую перспективу.

Сегодня китайские законодатели выражают предпочтение менее строгим и определённым формулировкам, более «мягкой», эластичной архитектуре ГК. Они обсуждают возможность вынести вопросы кардинальной важности (личные права, вещное право, обязательственные права) за рамки ГК или хотя бы возможность предварительно опробовать соответствующие законы вне рамок кодекса, прежде принятия ГК. Они не торопятся с принятием самого ГК, отодвигая окончательное решение в неопределенное будущее. Данная тенденция означает, что руководство КНР отсрочивает для себя надвигающийся стратегический выбор.

По сути, под вопросом находится сам характер китайской модернизации, выбор будущего пути развития КНР — как сочетать социализм и рынок. Руководство КНР, элита страны не торопится сдать общество всецело во власть свободных буржуазных отношений, стихийных сил рыночной экономики, отпустить страну в процессы с непредсказуемым результатом. Поэтому они стремятся сохранить возможности оперативного вмешательства народного государства в сферу гражданско-правовых рыночных отношений с целью защиты ценностей социализма. Вот почему развитие гражданско-правовой системы КНР обдуманно сдерживается.

Можно предполагать, что Гражданский кодекс КНР не будет принят в ближайшее время, пока не сложится устойчивый и ясный баланс социализма и рынка с чётким водоразделом или пока не победит окончательно одна из тенденций.

1 ЯНВАРЯ 2021 г. — ДЕНЬ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА КНР

(Публикуется впервые. 2021 г.)

1 января 2021 г. становится исключительно важной вехой в истории Китайской Народной Республики — это день вступления в силу первого в истории государства Гражданского кодекса (ГК). Принятие ГК подытоживает длительный период исторического развития страны под руководством Коммунистической партии Китая со дня провозглашения образования народного государства в 1949 г. и открывает новый исторический этап в его правовой и социальной истории, простирающийся в будущее на многие десятилетия. Гражданский кодекс по своему значению — второй по важности правовой документ после Конституции, он будет определять всю жизнь гражданского общества этой древней и огромной страны. Его принятие является убедительной демонстрацией успешности руководящей роли КПК, которая смогла за 70 с лишним лет истории, несмотря на встречавшиеся на этом пути серьёзные трудности, построить социализм с китайской спецификой и соответствующее ему гражданское общество.

Непосредственное решение о принятии ГК было принято 28 мая 2020 г.: 3-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва в Пекине рассмотрела и одобрила подготовленный и представленный чуть ранее, в декабре 2019 г., проект ГК; при этом 2879 депутатов отдали свои голоса в поддержку документа, два голоса были против, и пять голосов — воздержавшихся. Уже 2 июня ГК вышел отдельной книгой. Вступление ГК в силу было назначено на 1 января 2021 г.

Отрадно отметить, что в России быстро была решена задача перевода этого, без сомнения, исторического документа на русский язык. Первый перевод ряда глав был оперативно выполнен П.В. Бажановым [1]. А в декабре 2020 г. в Москве была публично представлена вся книга, перевод на русский язык и публикация выполнены под общей редакцией П.В. Трощинского, руководитель проекта — А. Р. Зайнигабдинов.

История разработки ГК в КНР была длительной и сложной [3, 11—38].

В этом процессе, говоря кратко, можно выделить четыре этапа, или четыре захода на решение данной фундаментальной задачи.

Две попытки были предприняты в 1950-х и 1960-х годах, они оказались неудачными, пали жертвой политических кампаний левацкого толка («большой скачок», «культурная революция»). Третья попытка началась по решению Постоянного комитета ВСНП в 1979 г. вместе с «курсом реформ и открытости», провозглашенным Дэн Сяопином в 1978 г. Но и этот заход не привел к желаемому результату: слишком масштабной и сложной оказалась задача.

В начале 2000-х годов в связи со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию власти с новой энергией взялись за законотворческую работу, и это стало началом четвертого этапа работы над ГК.

Легислатура шла двумя путями: один подход в целом можно условно сравнить с «розничным», другой — с «оптовым» подходом.

«Розничный» подход заключался в разработке и принятии конкретных специальных законов, необходимость которых безотлагательно диктуется жизнью, их принятие являлось оперативной реакцией на требования дня. Таковыми были:

- Закон о браке от 1980 г. (Marriage Law, 婚姻法), ревизован в 2001 г.;
- Закон о наследовании от 1985 г. (Inheritance Law, 继承法);
- Закон об усыновлении, 1991 г. (Adoption Law, 收养法), ревиз. 1998 г.;
- Закон о гарантиях, 1995 г. (Guaranty Law, 担保法);
- Закон о контрактах, 1999 г. (Contracts Law, 合同法);
- Вещное право, 2007 г. (Rights in Rem Law, 物权法);
- Закон о гражданской ответственности/ о деликтах, 2009 г. (Tort Liability Law, 侵权责任法).

Параллельно и постепенно созревал и развивался и целостный, «оптовый» подход, нацеленный на принятие единого системного всеобъемлющего гражданского кодекса страны. Целостный подход в значительно большей степени учитывал критерии академической научности, интеллектуальной обоснованности и системности.

В апреле 1986 г. на 4-й сессии ВСНП 6-го созыва был принят первый документ подобного рода — «Общие положения гражданского права» (ОПГП, General Principles of Civil Law 中华人民共和国民法通则), которые по своему содержанию схожи с традиционно понимаемой Общей частью ГК, хотя и немного шире ее. ОПГП состояли из девяти глав, 156 статей, в них закреплялись основные институты гражданского права (общие prin-

ципы, гражданская правоспособность и дееспособность, статут юридических лиц, гражданско-правовые действия, гражданские права, гражданская ответственность и т. д.). ОПГП стали системообразующим актом в области гражданского законодательства. Они просуществовали (с небольшими корректировками в 2009 г.) до 2017 г.

Законодатель продолжил принимать отдельные законы в гражданско-правовой сфере, но они теперь основывались и на ОПГП . В некотором смысле ОПГП явились первым в КНР квази-кодифицированным актом, содержащим базовые нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения.

В 2010-х годах значительно активизировались усилия законодателей интегрировать отдельные правовые документы в целостную систему ГК.

В 2014 г. КПК поставила и конкретизировала общую задачу — завершить разработку и принять Гражданский кодекс страны.

Первоначально законодатели согласились принять Общую часть ГК, и на 5-й ежегодной сессии ВСНП в марте 2017 г. они одобрили проект «Общих положений гражданского права КНР (ревизованный)» (General Provisions of Civil Law, 中华人民共和国民法总则).

За ним последовали проекты отдельных частей будущего ГК: в августе 2018 г. все шесть частей были представлены ПК ВСНП и последовательно рассмотрены им на различных сессиях. В декабре 2019 г. был завершен полный проект ГК.

Проект был представлен для обсуждения общественному мнению. В течение декабря 2019 — января 2020 г. прошло широкое обсуждение проекта, свои мнения и замечания высказали 13 718 человек. Комиссия по законодательным проектам Постоянного комитета ВСНП рассмотрела 114 574 замечания, изучила, обработала, учла их. И 28 мая 2020 г., как сказано выше, Гражданский кодекс получил одобрение на сессии ВСНП.

Содержание ГК состоит из Общих положений и шести книг-разделов, определяющих нормы вещного права, договорного права, личные неимущественные права, брачные и семейные отношения, наследование, положения о нарушении прав (деликтной ответственности). Всего ГК объемлет 1260 статей, сгруппированных в семь разделов. Семь разделов (编 bian) делятся на подразделы (分编 fenbian), подразделы — на главы (章 zhang), главы — на параграфы (节 jie), параграфы состоят из статей (条 tiao). Внутри статей иногда содержатся «пункты», обозначаемые только цифрами. Сквозную непрерываемую нумерацию по всему документу имеют разделы — их семь, и статьи — их 1260.

Структура Гражданского кодекса конкретно выглядит так [2].

РАЗДЕЛ I. Общие положения (ст. 1—204).

Глава 1. Основные положения

Глава 2. Физические лица (§ 1. Гражданская правоспособность и гражданская дееспособность; § 2. Опека; § 3. Признание безвестно отсутствующим или объявление умершим; § 4. Индивидуальные предприниматели и сельско-подрядные хозяйства)

Глава 3. Юридические лица (§ 1. Общие положения; § 2. Коммерческие юридические лица; § 3. Некоммерческие юридические лица; § 4. Особые виды юридических лиц)

Глава 4. Организации без образования юридического лица

Глава 5. Гражданские права

Глава 6. Сделки (§ 1. Общие положения; § 2. Волеизъявление; § 3. Юридическая сила сделок; § 4. Условия и сроки сделок).

Глава 7. Представительство (§ 1. Общие положения; § 2. Представительство по доверенности; § 3. Прекращение представительства)

Глава 8. Гражданственно-правовая ответственность

Глава 9. Исковая давность

Глава 10. Исчисление сроков

РАЗДЕЛ II. Вещные права (ст. 205—462).

Подраздел 1. Основные положения

Глава 1. Общие положения

Глава 2. Возникновение, изменение, переход и прекращение вещных прав (§ 1. Регистрация недвижимого имущества; § 2. Передача движимого имущества; § 3. Прочие положения)

Глава 3. Защита вещных прав

Подраздел 2. Право собственности

Глава 4. Общие положения

Глава 5. Право государственной и коллективной собственности, право частной собственности

Глава 6. Разграничение прав собственности между собственниками зданий

Глава 7. Соседские отношения

Глава 8. Общая собственность

Глава 9. Особые положения о приобретении права собственности

Подраздел 3. Право пользования имуществом (узуфрукт)

Глава 10. Общие положения

Глава 11. Право земельного подряда

Глава 12. Право пользования землей строительного назначения

Глава 13. Право пользования землей в жилой зоне

Глава 14. Право на проживание

Глава 15. Право пользования чужим земельным имуществом (сервитут)

Подраздел 4. Обеспечительное вещное право

Глава 16. Общие положения

Глава 17. Залог без передачи имущества во владение (ипотека)

(§ 1. Общий залог; § 2. Залог на максимальную сумму)

Глава 18. Залог с передачей имущества во владение (§ 1. Залог движимого имущества; § 2. Залог прав)

Глава 19. Право удержания имущества

Подраздел 5. Владение

Глава 20. Владение

РАЗДЕЛ III. Договоры (ст. 463—988)

Подраздел 1. Основные положения

Глава 1. Общие положения

Глава 2. Заключение договора

Глава 3. Действительность договора

Глава 4. Исполнение договора

Глава 5. Защита договора

Глава 6. Изменение договора и передача прав (цессия)

Глава 7. Прекращение договорных прав и обязательств

Глава 8. Ответственность за нарушение договора

Подраздел 2. Виды договоров

Глава 9. Договор купли-продажи

Глава 10. Договор снабжения электроэнергией, водой, газом, тепловой энергией

Глава 11. Договор дарения

Глава 12. Договор займа

Глава 13. Договор поручительства (§ 1. Общие положения;

§ 2. Ответственность в рамках поручительства)

Глава 14. Договор аренды

Глава 15. Договор финансовой аренды

Глава 16. Договор финансирования под уступку денежного требования (факторинг)

Глава 17. Договор подряда

Глава 18. Договор строительного подряда

Глава 19. Договор перевозки (§ 1. Общие положения; § 2. Договор перевозки пассажира; § 3. Договор перевозки груза; § 4. Договор смешанной перевозки груза)

Глава 20. Технический договор (§ 1. Общие положения; § 2. Договор технической разработки; § 3. Договор передачи технологий и технический лицензионный договор; § 4. Договор технических консультаций и договор технического обслуживания)

Глава 21. Договор хранения

Глава 22. Договор складского хранения

- Глава 23. **Договор поручения**
Глава 24. **Договор оказания коммунальных услуг**
Глава 25. **Договор комиссии**
Глава 26. **Агентский договор**
Глава 27. **Партнерский договор**
Подраздел 3. **Квазидоговоры**
Глава 28. **Ведение чужих дел без поручения**
Глава 29. **Неосновательное обогащение**
РАЗДЕЛ IV. **Личные неимущественные права (ст. 989—1039)**
Глава 1. **Общие положения**
Глава 2. **Право на жизнь, право на тело и право на здоровье**
Глава 3. **Право на фамилию и имя и право на название**
Глава 4. **Право на изображение**
Глава 5. **Право на честь и достоинство и почетное право**
Глава 6. **Право на личную жизнь и защита личной информации**
РАЗДЕЛ V. **Брак и семья (ст. 1040—1118).**
Глава 1. **Общие положения**
Глава 2. **Брак**
Глава 3. **Семейные отношения (§ 1. Супружеские отношения; § 2. Отношения между родителями, детьми и другими близкими родственниками)**
Глава 4. **Расторжение брака**
Глава 5. **Усыновление (§ 1. Установление усыновительных отношений; § 2. Юридическая сила усыновления; § 3. Расторжение усыновительных отношений)**
РАЗДЕЛ VI. **Наследование (ст. 1119—1163)**
Глава 1. **Общие положения**
Глава 2. **Наследование по закону**
Глава 3. **Наследование по завещанию и завещательный отказ**
Глава 4. **Распоряжение наследственным имуществом**
РАЗДЕЛ VII. **Ответственность за нарушение прав (ст. 1164—1260).**
Глава 1. **Общие положения**
Глава 2. **Компенсация ущерба**
Глава 3. **Особые положения о лицах, несущих ответственность**
Глава 4. **Ответственность за продукцию**
Глава 5. **Ответственность при дорожно-транспортных происшествиях с участием моторных транспортных средств**
Глава 6. **Ответственность за причинение ущерба при лечении**
Глава 7. **Ответственность за загрязнение окружающей среды и причинение экологического ущерба**

Глава 8. Ответственность за деятельность, связанную с высокой степенью риска

Глава 9. Ответственность за ущерб, связанный с содержанием животных

Глава 10. Ответственность за ущерб, причиненный зданиями и их пристройками

Раздел I, содержащий «Общие положения» (ст. 1—204), в основном повторяет «Общие принципы» от 1986 г. Он содержит положения, относящиеся как к ГК в целом, так и адресованные к его иным разделам. Здесь даются характеристики физических и юридических лиц, организаций без образования юридического лица, определяется представительство, устанавливаются сроки исковой давности.

Физические лица с рождения и до смерти обладают гражданской правоспособностью. Более того, согласно последним законам, правоспособностью обладает и внутриутробный плод, что имеет значение в вопросах получения наследственных прав в момент рождения (мертворожденный плод наследственных прав не имеет изначально).

Возраст совершеннолетия и наступления полной дееспособности определен в 18 лет. Возраст ограниченной дееспособности снижен до 8 лет.

Срок признания лица безвестно отсутствующим наступает через два года, а признания умершим при обычных условиях — четыре года.

Юридические лица классифицируются ГК КНР на три группы: коммерческие юридические лица (образованные в целях получения прибыли их участниками); некоммерческие юридические лица (учрежденные для реализации целей общественного блага и не подчиненные цели получения прибыли); специальные юридические лица (государственные органы, организации местного самоуправления, хозяйствственные кооперативы и др.).

Также существует своеобразная группа — организации, не обладающие статусом юридического лица (индивидуальные частные предприятия, профессиональные объединения, товарищества и общества и т. п.).

Нормы, регулирующие жизнедеятельность юридических лиц и организаций без статуса юридического лица, определяются помимо ГК КНР и специальными законами, например Законом КНР «О компаниях».

К гражданским правам относятся личные и неимущественные права. Права всех субъектов гражданского права могут регулироваться помимо ГК КНР и специальными законами (например Законом КНР «О защите прав потребителей» и др.).

Общий срок исковой давности составляет в КНР три года и не более 20 лет со дня правонарушения.

Раздел II посвящен вещным правам (гл. 1—20, ст. 205—462).

Его содержание базируется на Законе о вещном праве (от 2007 г.) и Законе о гарантиях (от 1995 г.). Оба закона прекратили своё действие с 1 января 2021 г. со вступлением в силу ГК КНР.

Подраздел 1 (гл. 1—8, ст. 205—208) определяет общие положения вещного права, оговаривает различие недвижимого и движимого имущества. Характеризует три категории вещных прав — собственность, узуфруктные права, обеспечительные/залоговые права — гарантии вещных прав, а также институт владения.

Подраздел 2 (гл. 1—9, ст. 209—322) посвящен характеристике права собственности. Здесь рассматриваются вопросы регистрации, изменения, передачи, прекращения имущественных прав, защиты имущественных прав.

Кодекс различает три категории вещных прав: собственность (ownership, 所有权), узуфрукты (usufructs, 用益物权), обеспечительные интересы, или интересы безопасности (security interest, 担保权/不安).

Собственность — это право на владение, пользование, получение выгоды, распоряжение/отчуждение (ст. 240). Устанавливается различие собственности государственной, коллективной, частной.

Здесь определяется важность социалистической рыночной экономики в КНР, различные формы собственности и их взаимоотношения.

Весь народ является собственником через посредство государственной собственности, которая управляется правительством от имени народа. Государственная собственность включает в себя разнообразные ресурсы, активы. Это природные ископаемые, вода и морская акватория. Незаселенные островные территории. Городская земля. Минеральные ресурсы — леса, горы, пастбища, целинные земли, песчаные отмели и иные природные ресурсы, за исключением тех, что принадлежат по закону коллективам. Ресурсы, получаемые от диких животных и растений, принадлежащие по закону государству. Радиочастотный спектр. Реликты культуры, принадлежащие по закону государству. Средства государственной обороны также являются государственной собственностью. Железные дороги, автомобильные дороги, электросети, объекты телекоммуникации, нефтепроводы и газопроводы, а также другие объекты инфраструктуры, принадлежащие государству на основании закона. Недвижимое и движимое имущество под прямым контролем правительственный министерств. Недвижимое и движимое имущество под прямым контролем институтов, спонсируемых государством. Предприятия с государственными инвестициями.

Имущество коллективной собственности. Принадлежит по закону на праве коллективной собственности членам коллектива. Оно включает в себя следующие позиции. Земля, леса, горы, пастбища, пустоши, затап-

ливаемые береговые земли, принадлежащие коллективу в соответствии с законом. Здания, производственные сооружения, ирригационные и водоохраные сооружения, принадлежащие коллективу. Образовательные, научные, культурные учреждения, учреждения общественного здравоохранения и спорта, принадлежащие коллективу, и т. д. Другое движимое и недвижимое имущество, принадлежащее коллективу.

Имущество в частной собственности. Частные лица обладают правом собственности на собственные законные доходы, недвижимость, предметы быта, средства производства, сырье и иное недвижимое и движимое имущество.

Государство, коллектив, индивидуум могут соответственно закону делать инвестиции в учреждение компаний с ограниченной ответственностью, акционерные компании и иные предприятия.

Кодекс оговаривает и ряд специальных видов частной собственности, возникновение которых обусловлено конкретными обстоятельствами, — это собственность домовладельцев совместного управления, соседские отношения, общая собственность.

Собственность совместного управления домовладельцев (ст. 271—287) обозначает право домовладельца/домособственника («собственники зданий») на его/ее дом в высотке или часть дома в здании, которое разделено между разными домовладельцами (业主的建筑物区分所有权).

Соседские отношения (ст. 288—296) подразумевают отношения смежных участков с разными собственниками (相邻关系).

Общая собственность (共有) характеризуется в ст. 297—310.

Подраздел 3 характеризует право пользования имуществом/узуфруктные права. Узуфрукт — право какого-либо лица владеть, использовать, извлекать доход из собственности другого лица. ГК КНР устанавливает в КНР пять видов узуфрукта:

— Право земельного подряда, или договорного управления землей (土地承包 经营权, right to land contract management) — ст. 330—343.

— Право пользования землёй строительного назначения (construction land use right 建设用地使用权) означает право использовать землю, принадлежащую государству для развития недвижимого имущества (ст. 344—361).

— Право пользования землей в жилой зоне, т. е. домашних участков (rural residence right 宅基地使用权), подразумевает право сельских жителей использовать землю для строительства дома (ст. 362—365).

— Право на проживание (right of habitation 居住权) (ст. 366—371). Оно может быть установлено на жилое помещение, принадлежащее другому лицу, и дает право владеть и использовать данное помещение в целях проживания. Это вещное право может предоставляться безвозмездно

и регистрироваться. Но не может быть передано другим лицам, в том числе по наследству.

— Право пользования чужим земельным имуществом/сервитут (easement 地役权) — право ограниченного пользования соседским участком (ст. 372—385).

Первые три типа важны для Китая по причине государственной и коллективной («социалистического характера») собственности на всю землю.

Подраздел 4 посвящен обеспечительным/залоговым вещным правам. Залоговое право (Security interest 担保物权) — ст. 386—462, дает приоритетное право кредитору получить оплату конкретными активами заемщика в случае, когда заемщик объявляет дефолт по платежным обязательствам (ст. 386).

Здесь предусмотрено три залоговых права:

Ипотека, или залог без передачи имущества во владение (заемщик реально владеет активом, права на который кредитор получит в собственность при объявлении должником дефолта) — mortgage 抵押权, ст. 394—424. Как правило, он применяется к объектам недвижимости.

Залог с передачей имущества во владение (кредитор реально владеет активом и сможет отчуждать его при дефолте) — pledge 质权, ст. 425—446. Касается движимого имущества.

Право кредитора на удержание (арест) имущества должника, основанное не на договоре, а на законе — Lien 留置权, ст. 447—457.

Подраздел 5 регулирует вопросы владения. Примечательно, что ГК трактует владение (possession 占有) скорее как реальный факт, нежели как особое право (ст. 458—462).

В целом положения ГК КНР о вещных правах имеют достаточно универсальный характер.

Вместе с тем привлекают внимание и моменты развития, эволюции гражданско-правовых подходов китайских законодателей.

Три группы/комплекта изменений

— Первое. Путем совершенствования узуфрукта укрепляется правовое положение арендаторов жилья. В КНР была актуальной проблема защиты прав арендаторов жилья, особенно людей престарелых, уязвимых. Проблема постепенно обострялась в связи с тем, что все больше людей испытывали трудности с приобретением собственного жилья. Теперь в гражданское право вводится новый узуфрукт — право проживания. Это право арендовать и использовать для проживания и получения прибыли чужое жильё (ст. 366). Право образуется договором или возникает по завещанию. В сравнении с правом арендатора по контракту, вещное право на проживание дает правообладателю большую автономию в

проживании и большую правовую защищённость перед собственником и третьей стороной.

Право проживания применяется с целью обеспечения граждан с использованием общественного доступного жилья. А также оно применяется и когда престарелые домовладельцы могут получить заем для аренды недвижимости и им гарантируется право и место проживания, а арендаторы регулярно производят выплату займа. Право проживания не может быть передано другим лицам или по наследству, и со смертью правообладателя оно истекает (ст. 366—371).

Данная политика развивает рынок аренды жилья и диверсифицирует рынок жилья в целом.

— Второе. Развиваются специальные виды частной собственности, возникновение которых обусловлено конкретными обстоятельствами, а именно отмечается и укрепление прав домовладельцев.

В частности, в их взаимоотношениях. В ГК добавлено положение, требующее голосования всех собственников дома в жилом здании, прежде чем раздельные части здания могут быть использованы для различных целей или подвергнуты коммерческому использованию (ст. 278, пп. 1—8). Любые доходы, генерированные раздельными частями здания, должны совместно принадлежать всем собственникам («домособственникам») (ст. 282). При этом также облегчена задача для домособственников использовать общественный фонд для ремонта здания — путём снижения планки необходимости для одобрения с $\frac{3}{4}$ большинства к простому большинству (ст. 278). На случай чрезвычайного ремонта собрание собственников может ходатайствовать об использовании фонда «соответственно закону» (ст. 281).

— Третье. Важным аспектом прав на жильё, домовладения являются и взаимоотношения граждан с государством, а именно право на использование земельного участка под частным домом. Проблема носит весьма значительный характер для КНР, она затрагивает примерно 700—800 млн жителей городов.

Новые положения о праве использования земли для жилищного строительства — право занимать землю под частным жильем — имеют противоречивый характер. Обычно в КНР правительство предоставляет гражданам право использовать землю для жилья на срок максимум 70 лет. Но что делать владельцам домов после истечения срока? Закон о собственности сейчас говорит об «автоматическом обновлении» прав на использование земельного участка (ст. 149, § 1). Но теперь в вещное право ГК добавляет важный нюанс: «Платёж или уменьшение пошлины за переоформление производится в соответствии с законодательством и административными регламентами» (ст. 359). Выходит, что обновление прав на использование земли будет не «автоматическим», а опосредован-

ным законами и административными положениями. По-видимому, ГК дает обещание продления прав на использование земельного участка под жильём, но не понятно пока, будет данное продление права платным или бесплатным.

В целом из положений Гражданского кодекса очевидно, что гражданское право КНР развивается по пути расширения и упрочения, совершенствования имущественных прав граждан.

Раздел III посвящен регулирующим нормам договоров. Это 29 глав, объемлющих 526 статей (ст. 463—988). Раздел опирается на Закон о договорах, но содержит немало новых положений. Действие Закона о договорах прекратилось со вступлением в силу ГК с 1 января 2021 г.

Раздел состоит из трёх подразделов — общие положения, типовые договоры и квази-договоры.

Договор есть соглашение между гражданскими субъектами об установлении, изменении и прекращении гражданско-правовых отношений.

Глава 1 подраздел 1 трактует общие правила договоров — их заключение, действенность, исполнение, изменение, прекращение, ответственность за разрыв договора. Также здесь оговаривается, что данные общие положения могут применяться и к обязательствам, проистекающим из иных источников прав (деликтов), а не только из договоров.

Общие правила договоров могут непосредственно применяться, когда договор не подпадает под определяемые в данном разделе типовые договоры.

В подразделе 1 следующие семь глав характеризуют стадии, этапы совершения договорных сделок.

Глава 2 предусматривает формы заключения договоров — устно, в письменной форме, или иным образом (телеграммой, телексом, факсимилем, путем обмена электронными данными или имейлом) — при условии, что они имеют реально воспринимаемую форму. Устанавливаются правила оферты и акцепта, содержания договора.

Глава 3 говорит о действительности договора — он становится действительным с момента, когда стороны ставят свои подписи, отпечаток пальца или печать.

Глава 4 регулирует вопросы исполнения договоров.

Глава 5 посвящена проблемам защиты договоров и их отдельных положений, включая случаи суброгации (должник передает активы третьей стороне, и кредитор должен предъявлять требования ей).

Глава 6 определяет порядок изменения договоров и их передачи (цессия).

Условия прекращения договорных прав и обязательств излагаются в главе 7. Предусмотрены ситуации, когда прекращение договора может

быть совершено в одностороннем порядке: если договор не может быть исполнен в силу форс-мажорных обстоятельств; если одна сторона заявляет или демонстрирует, что она не сможет исполнить свои главные обязательства до истечения договорного срока; какая-либо сторона затягивает исполнение обязательств или совершают иные нарушения, делающие договор неисполнимым, и др.

Глава 8. ГК предусматривает законную («статутную») и договорную ответственность сторон за разрыв договора.

Если сторона договора не смогла исполнить договорные обязательства или исполнение не соответствует договору, то она несет законную ответственность за нарушение договора — в виде обязанности продолжать исполнение договора, или принять корректирующие меры, или компенсации потерь.

Также стороны могут договориться на случай нарушения одной стороной договора, что она оплатит другой стороне заранее оговоренный размер убытков пропорционально ущербу. В случае когда действительные убытки превышают согласованный заранее размер компенсации, компенсация может быть увеличена решением суда или арбитражных органов, в случае непомерно великих убытков, компенсация может быть и уменьшена.

Подраздел 2 представляет «типовые договоры». Их всего девятнадцать.

Договор купли-продажи (гл. 9). Глава 10 — договор снабжения электроэнергией, водой, газом, тепловой энергией. Глава 11 — договор дарения. Глава 12 — договор займа. Глава 13 — договор поручительства. Глава 14 — договор аренды/лизинга. Глава 15 — договор финансовой аренды. Глава 16 — договор факторинга/финансирования под уступку денежного требования. Глава 17 — договор подряда. Глава 18 — договор строительного подряда. Глава 19 — договор перевозки. Глава 20 — технический контракт. Глава 21 — договор (депозитарного) хранения. Глава 22 — договор складского хранения. Глава 23 — договор поручения (о передаче на ответственное хранение). Глава 24 — договор оказания коммунальных услуг. Глава 25 — договор комиссии. Глава 26 — агентский договор. Глава 27 — партнерский договор (договор товарищества).

Здесь добавились четыре новых вида договора — это поручительства (гл. 13), факторинга (гл. 16), оказания коммунальных услуг (гл. 24), партнерский (гл. 27).

Подраздел 3 определяет две формы квазидоговоров. Во-первых, это ведение чужого дела без поручения (*negotiorum gestio*, 无因管理); оно возникает, когда лицо защищает чьи-либо интересы, не имея на то законного или договорного обязательства (гл. 28, ст. 979—984). И, во-вторых,

незаконное обогащение — когда одна сторона без законного основания получает выгоды за счет другой, в подобных случаях другая сторона имеет право вернуть себе выгоды, присвоенные первым партнером (гл. 29, ст. 985—988). Следует отметить: одностороннее обещание и признание обязательства, что также традиционно является квазидоговором, в данном разделе ГК КНР не рассматривается.

Раздел о договорах содержит ряд новых положений по сравнению с предшественником — Законом о договорах.

ГК КНР включает положения, регулирующие заключение и исполнение договоров в электронной форме с использованием электронной почты и Интернета (ст. 491, 512). Тем самым ГК поддерживает самый современный прогрессивный уровень ведения операций.

Как отмечено выше, появились и включены и новые виды типовых договорах — договор поручительства, договор оказания коммунальных услуг, договор факторинга, партнерский договор.

Некоторые новшества направлены на усиление позиций более слабой стороны договора. Например, когда более слабому участнику соглашения предлагают подписать типовой договор, но в нем стандартная статья не благоприятствует его интересам, он может аннулировать такую статью. Так же он может поступить, когда ему не объясняют со всей определенностью содержание какой-либо статьи, исключив её из договора (ст. 496).

Важное значение имеет процессуальный принцип толкования отношений партнеров, договоров, сформулированный в статье 142 ГК КНР: «В отношениях, где имеется контрагент, содержание волеизъявления лица устанавливается исходя из буквального значения использованных слов и выражений, в совокупности со всеми взаимосвязанными положениями, характером и целями действий, обычаями, а также принципом добросовестности. При установлении содержания волеизъявления в случае отсутствия контрагента не следует полностью ограничиваться лишь значением использованных слов, но необходимо устанавливать действительную волю лица в совокупности со всеми взаимосвязанными положениями, с учетом характера и целей действий, обычаяев и принципа добросовестности». Данный принцип имеет важнейшее значение в судебном истолковании договоров сторон, он предоставляет суду право по своему усмотрению истолковывать смысл контрактов и предложений, деклараций тяжущихся сторон.

Положения раздела в целом свидетельствуют, что общественная жизнь КНР обретает новые, самые современные инструменты установления и использования хозяйственно-деловых отношений. Эти новые правовые инструменты открывают перед гражданами дополнительные возможности предпринимательской деятельности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КНР В СВЕТЕ РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ (1978—2015)

(Автентичный текст статьи опубликован в сборнике Анисимцева Н.В. «Историография Китая и Японии: актуальные вопросы и тенденции». М.: Типография «Ваш формат», 2015. С. 4—65)

Масштабные реформы, всесторонние преобразования, начало которым положено решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, состоявшегося в ноябре—декабре 1978 г., получившие в нашей литературе наименование «модернизация» КНР, уже свыше трёх десятков лет являются предметом внимания, анализа многих отечественных учёных. Даже не претендуя на охват всего богатства российской науки по данному предмету, тем не менее, можно констатировать, что достигнуты весомые результаты в сборе материала, анализе, понимании и прогнозировании самой новейшей истории КНР, и эти результаты заслуживают того, чтобы стать материалом специального историографического исследования.

Попытки подобного историографического исследования ранее уже предпринимались в отечественной синологии¹.

Исследователи-историографы отметили, что само изучение модернизации Китая и, в широком смысле, наиновейшей истории КНР прошло несколько различных этапов.

В первый период с начала реформ в КНР внимание к китайским реформам характеризовалось в СССР и России скептической реакцией. Позднесоветское руководство воспринимало мир догматически: оно либо замалчивало реальные перемены в Китае, либо расценивало их как ревизионистские отступления от марксизма-ленинизма и «генеральной линии» КПСС.

Пришедшие им на смену радикально-либеральные реформаторы оказались ещё более фанатичными приверженцами догм (теперь либеральных) и так же предпочитали игнорировать успешный опыт развития КНР, ибо успехи китайских реформ, протекавших под руководством коммунистической партии и в хорошо продуманном стиле, приносившие КНР ре-

альные улучшения всех сторон жизни, бросали тень на бездумную антисоциальную и радикальную идеологию российских «младореформаторов». Общее пренебрежение к науке, планированию, характерное правлению тех лет, было дополнено и «классовой» антипатией к китаеведению, проявившейся и в отсутствии социального государственного заказа на синологические исследования, и в пренебрежении кадрами учёных-специалистов, которые часто были вынуждены оставлять свою профессиональную стезю. Не удивительно, что на этом фоне расцветали профанные суждения дилетантов и политически ангажированных личностей, которые то предрекали скорый кризис Китая, то приписывали его успехи исключительно «магической» силе отдельных новшеств либерально-рыночной природы.

Подобным тенденциям противостояли учёные-синологи, в большинстве своём работавшие под сенью Института Дальнего Востока РАН, возглавляемого академиком М.Л. Титаренко. С конца 1980-х и в 1990-х годах они, основываясь на всестороннем анализе развития КНР (ВВП которой к середине 1990-х годов сравнялся с российским), смогли в своих трудах создать объективную картину бесспорных успехов развития экономики и общества КНР, при этом одновременно объективно информируя общество о сохраняющихся проблемах и трудностях развития.

Значительную роль в этом сыграли труды М. Титаренко, В. Портикова, А. Островского, О. Борох, Л. Кондрашовой, Л. Бони, Л. Волковой, В. Ганшина, И. Шевель, Е. Авдокушина, Л. Новосёловой, Е. Селивановой, И. Наумова, П. Каменнова, М. Потапова и многих других. Они отслеживали важные для понимания трансформации КНР проблемы соотношения государственного регулирования и рыночного саморегулирования, объективно оценивали реальные достижения истекшего «периода реформ и открытости», взвешенно прогнозировали вероятность полного перехода к рыночной экономике и соответствующей трансформации социально-политических институтов. Их общими усилиями, предпринимавшимися на фоне прогресса растущей китайской экономики, удалось переломить негативные тенденции в изучении и осмыслиении китайского эксперимента, отстоять объективно-научный подход в китаеведении.

Новый этап в развитии китаеведения обозначился с конца 1990-х годов. К этому времени либерально-экономический радикализм по образцам «واشنطنского консенсуса» растерял в России первоначальный кредит доверия, продемонстрировав свою бесплодность и пагубность на российской почве. С другой стороны, Китай успешно вышел из азиатского экономического кризиса 1997—1998 гг. На этом фоне в России произошла смена высшего государственного руководства. Перемены отразились в существенном оживлении китаеведческих исследований в стране.

С этого времени китайский путь развития в понимании научной общественности получает прочный статус самостоятельной модели социального развития. Исследования расширяются не только в количественном измерении; принципиально расширяется их тематика — объектом всё более многочисленных исследований становятся все прочие аспекты общественного развития Китая, изучение КНР приобретает подлинно комплексный характер. Модернизация Китая с этого времени оказывается в фокусе научного и политического внимания широких кругов российских учёных-международников, ареной идеиного столкновения различных научных школ и политических направлений.

Научная литература, посвящённая рассмотрению преобразований современного Китая, начавшихся в 1978 г., демонстрирует впечатляющее разнообразие научных подходов и интересов, концепций и точек зрения, взглядов и оценок.

Изобилуют исследования экономического характера. Но всё больше появляется и работ исторического, цивилизационного, философского, политологического, правоведческого характера. Модернизация КНР предстаёт как «переход от командно-административной экономики к рыночной» и одновременно как строительство «социализма с китайской спецификой». Некоторые исследователи говорят о международном значении китайского опыта модернизации, другие настаивают на его уникальности.

Среди наиболее удачных опытов краткого, но ёмкого теоретического описания и определения китайской модернизации стоит выделить, к примеру, выступление А.И. Салицкого², а среди работ самого последнего времени — статью академика М.Л. Титаренко³ (он исследует социалистический характер модернизации Китая), наблюдения Н.Л. Мамаевой⁴.

С учётом огромного разнообразия концептуальных подходов, точек и углов зрения, тематической многослойности проблем модернизации есть смысл профессиональный разговор о модернизации КНР начать с предварительного анализа, определения самого понятия «modернизация», чтобы ввести всё многообразие научного потока в некоторое единое русло, систематизированное рассмотрение.

По нашему скромному мнению, термин «modернизация», принятый в современной русскоязычной литературе для обозначения реформ в КНР, не удачен, не вполне корректен, затуманивает важные вопросы, смешивает разные аспекты проблемы. Необходимо взглянуть на реформы КНР в более широкой, всемирно-исторической ретроспективе.

Современная европейская концепция исторического прогресса является порождением Нового времени, она восходит к поздне-ренессансному мыслителю неаполитанцу Джамбаттиста Вико. Как писал Д. Вико в своём

труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), «порядок вещей человеческих таков: сначала были леса, потом — хижины, затем — деревни, после — города, наконец — Академии»⁵. Вико (о котором К. Маркс писал: «Немало проблесков гениальности»), по сути дела, предвосхитил позднейшую концепцию развития и смены общественно-экономических формаций на основе развития производительных сил (материальных и культурных) человечества. «Леса» и «хижины», — очевидно, — это стадии, обозначенные позднее Ф. Энгельсом как дикасть и варварство, соответственно. «Деревни» — аграрные культуры, «города» — индустриальные культуры и общества, «академии» — постиндустриальная стадия, информационное общество как высшая ступень развития человечества.

Особенной, привлекательной чертой исторической концепции Вико является «градуализм», представление о постепенности, поэтапности исторического развития человечества. Поэтапность — это не просто плавность развития и преобразований, отсутствие рывков и толчков, революций. Градуализм рассматривает исторический прогресс *вне связи с его социальными формами*, просто как процесс восхождения человечества по ступеням материального и культурного развития, как подъём производительных сил. Ценность концепции Вико в том, что она помогает избежать серьёзного заблуждения: популярная среди марксистов концепция «диалектической спирали» смены общественно-экономических формаций может истолковываться так, что смена социальных форм является самодовлеющим процессом, прогрессом самим по себе, и смысл социальных перемен не подчинён задаче роста, качественного возвышения производительной мощи человечества. Вико — напротив, его концепция придаёт смене социальных форм второстепенное, подчинённое положение, а технологическому развитию человечества отводит приоритетное значение.

И, сколь речь идёт о «модернизации» КНР, то в первую очередь должен вступить в свои права «градуалистский» подход: приоритетное значение в оценке прогресса КНР должно быть отдано именно качественному подъёму производительных сил страны на новый этап, а не просто (как это нередко бывает) «переходу к рынку».

Материально-культурный прогресс всегда опосредован культурно-исторической средой и характеризуется теми или иными социальными формами. Эти формы могут быть весьма различными, что влечёт и многообразие форм «модернизации».

Термин «модернизация» восходит к латинскому корню «модерн» (новый). И в западной, и в марксистской интеллектуальной традиции (а КНР — страна не только конфуцианской, но и марксистской культуры) понятие «Новое время» обозначает эпоху всемирной истории, основным

содержанием которой является утверждение, становление, развитие, захватывание и гибель капиталистической общественно-экономической формации. «Новое время» противопоставляется «Новейшей истории», являющейся периодом становления и развития социалистической общественно-экономической формации с такими её признаками, как общественная собственность на средства производства, государство классовой диктатуры, и т. д. Таким образом, Modern history (новая) и «модернизация», в отличие от Contemporary history («Новейшая история»), должны трактоваться как формирование капиталистического общества. Рассуждая в общечеловековедческих терминах, «модернизация» должна отличаться и обособляться от «контемпораризации».

Объясняя суть преобразований в КНР, архитектор китайских реформ Дэн Сяопин на встрече в 1979 г. с премьер-министром Японии Охира Мацасэси заявил: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации (экономики, политики, науки и военного дела — авт.). Это будут четыре модернизации китайского типа. Концепция наших четырёх модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций — это будет *сяо кан чжи цзя* («среднезажиточная семья». — Н.А.)»⁶.

То есть Дэн Сяопин отметил отличие китайской модернизации от модернизации капиталистической Японии, и при этом он использовал для обозначения смысла, характера преобразований в Китае не термин «цзиньдайхуа» (近代化 — новый), а термин «сяньдайхуа» (现代化 — новейший). Китайские политики и учёные, общественность употребляют именно термин «сяньдайхуа», который было бы более правильно переводить как «контемпораризация», осовременивание, обновление.

Кстати, на эту особенность китайского понимания реформ обращал внимание ещё Ю.М. Галенович: «В Китае применяется термин СЯНЬДАЙХУА, который иной раз переводят словом «модернизация», хотя ближе к его смыслу понятие достижения уровня современной эпохи во всём мире или передовой части человечества, то есть осовременивание, или осовременивание в нравственном, духовном, политическом и экономическом смысле»⁷. Правда, заметим, что весьма глубокое замечание Ю.М. Галеновича о некоторой ущербности термина «модернизация» в то же время ограничено интерпретацией замысла реформ в сугубо градуалистском смысле.

Надо признать, что и термин «контемпораризация» тоже не вполне удачен: явление, о котором идёт речь — данный тип общества и характер реформ, — не ограничен, не связан исключительно с марксистским мирапониманием или только новейшей эпохой всемирной истории. Более правомерно, на наш взгляд, предложить термин из контекста правоведческой науки — «ПУБЛИЦИТЕТ», подразумевая при этом такой тип обще-

ства и общественного развития, в котором доминируют отношения императивного характера, нормы публичного права, а не частного / «цивильного», в силу чего получают мощное развитие государственно-общинные институты в противовес суверенизации индивидов. Термин «публицитет» мы соотносим с понятием «цивилизация», описывающим западно-европейского типа общество, где традиционно доминируют «цивильные», т. е. гражданско-правовые отношения

Необходимо признать, что социальные формы, в которые обрамляется материально-культурный многоступенчатый прогресс, обладают значительным многообразием, сложной конфигурацией изменений социального строя.

В советской и российской историографии утвердилась разработанная ещё в 1930-х годах деятелями Коминтерна «пятичленная схема» смены общественно-экономических формаций, согласно которой социальное развитие имеет форму «диалектической спирали»: общества, построенные на основе публично-правовых норм и институтов, поочерёдно сменяются обществами господства частно-правовых норм.

Но в действительности учение Маркса сложнее и богаче: Маркс предусматривал не только «спиралевидное», т. е. циклическое развитие, но и возможность «линейно-направленной» конфигурации развития, т. е. когда общество развивается, переходя с этапа на этап, оставаясь при этом в рамках своей традиции, как бы «колеи», сохраняя основные видовые особенности.

И ныне весьма актуальна работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»⁸ (во времена ожесточённой борьбы за единство мирового коммунистического движения исследователи часто обходили её вниманием). Этот несколько «апокрифический» текст выражает мысль К. Маркса, что древний мир знал три основных способа производства, три типа древнего общества: древняя община по образцу марки у германских народов; там же, где подобная община разложилась, из неё выделились свободные индивиды и частная собственность, связанные теперь вещественными рыночными отношениями (это «античная форма», так развивались рабовладельческие полисы Греции и Рима); и, наконец, «азиатский способ производства», т. е. централизованные восточные государства, сформировавшиеся как надстройка и продолжение общины и призванные нести функции поддержания общественной инфраструктуры. Важно, что эти три разных уклада сформировались на одном производительном уровне, когда главной формой капитала служили естественные факторы производства — мускульная сила человека и животного, плодородие земли («Главным объективным условием труда является не продукт труда, а находящаяся трудом природа»⁹).

Аутентичный марксизм признавал многоукладность, многовариантность общественного прогресса. В своих рассуждениях К. Маркс намечал как бы разные «коллеи», разные социальные традиции, отражающие конкретные условия разных народов и регионов, в которых отливаются социальные формы этих народов, стоящих на приблизительно одинаковом уровне материально-культурного развития.

Выбор таких социальных форм определяется не только действием абстрактно-универсальных законов, реализующихся независимо от всякого сопротивления среды, он объективно детерминирован конкретными возможностями и необходимостью решения актуальных задач развития. В конкретной среде возникает социальный заказ на применение императивных методов управления или более либеральных методов, соответственно получают признание и поддержку публично-правовые нормы управления или частно-правовые, «цивильные». Публично-правовые нормы вызывают к жизни трансформацию отношений собственности: непосредственное владение имуществом вытесняется иерархическими отношениями и структурами, или наоборот — собственность отделяется от власти, имущество приватизируется. Публично-правовые нормы дают мощный толчок развитию института государственной власти, а распространение частно-правовых норм порождает феномен суверенного индивида, имеющего права и свободы и несущего полную ответственность по своим и всяким прочим долгам, — индивид сам становится микро-государством. При этом рассматриваемые различные социальные формы могут решать задачи прогресса, принадлежащие к одному материально-культурному уровню, и потому они должны рассматриваться как исторически равноправные модели.

Исторический процесс даёт множество примеров, когда глубокие масштабные преобразования, обновление всей материально-технологической и социально-культурной жизни народов совершаются не посредством применения либерально-рыночных технологий, но, напротив, посредством широкого вмешательства государственной власти в процессы естественно-исторического развития. Напомним ряд исторических предшественников.

Примером могут послужить реформы Петра Первого в России. С подачи либеральной историографии он заслужил репутацию вестернизатора России, «прорубившего окно в Европу». Но, хотя царь Пётр действительно широко заимствовал западные научные знания и технологии (вплоть до эпигонского подражания в бытовых привычках — бритьё бород и ношение немецкого платья), в сфере социальных, политических отношений он был продолжателем дела своего отца Алексея Михайловича, осуществившего «повторное закрепощение» крестьянства. Царь Пётр распространил

повинности на холопов, обязав брать с них подати. Также он поставил «на короткий поводок» дворянство и духовенство, обратив их к государственной службе. Царь Пётр Алексеевич сформировал русский абсолютизм — самодержавное государство. Он — подлинный основатель Российской империи. Таким образом, реформы Петра Великого явились не «поворотом к рынку и демократии», а мощным шагом по пути возрождения и обновления традиционного евроазиатского «публицистета».

Великим реформатором своей страны был и правивший в первой половине XIX века хедив Египта (1805—1848) Мухаммед Али. Он реформировал армию на европейский манер, провёл аграрную реформу, установил монополию внешней торговли, осуществил реформы образования. Сам он любил себя сравнивать с Петром Великим. И здесь субъектом преобразований выступила государственная власть, а не гражданское общество.

Революция, осуществлённая в Японии в 1867—1868 гг. и открывшая путь к капиталистическому развитию страны, имела своей главной революционной партией кланы военно-служилого дворянства — самураев. Но эта революция не свергла, а восстановила монархию, и назначенные императором правительства развернули широкую программу протекционизма промышленным, военным и другим реформам, в конечном итоге превратившим Японию в мощную модернизированную военно-феодальную империю. Показательно, что японские учёные крайне редко называют преобразования императора Мэйдзи «революцией», они говорят об «обновлении/реставрации Мэйдзи» (Мэйдзи исин), т. е. сознательно дистанцируются от западноевропейских буржуазных революций, и подчёркивают возвращение к национальным, традиционным корням пути Японии.

Идеи прогрессивного обновления своих стран с решающей опорой на государственную власть оказались популярными и среди государств «третьего мира», обретшими независимость и суверенитет в середине XX века под руководством революционно-демократических элит. «Смысл государственно-политических идей революционных демократов — это отрицание всех форм буржуазного государства и особенно буржуазного парламентаризма, провозглашение курса на создание народного государства..., — писал К.Н. Брутенц¹⁰. — Все революционные демократы придерживаются принципа смешанной экономики — независимо от того, применяется ли ими этот термин, — во всяком случае в переходный период... Выдвигая принцип смешанной экономики, революционные демократы одновременно настойчиво подчёркивают необходимость ведущей и доминирующей роли общественного сектора, главным образом в лице государственной, а также кооперативной собственности».

Эти наблюдения советского учёного вполне согласуются и с мнением в прошлом известного либерального учёного-экономиста, крупного эксперта ООН по проблемам «третьего мира» шведа Гуннара Мюрдяля. Он говорил об идеологии модернизаторов в Южной Азии: «...государство должно играть активную, по существу решающую роль в экономике. Своими капиталовложениями и предпринимательской деятельностью, различными видами стимулирования, ограничениями частного сектора государство побуждает и направляет экономическое развитие. <...> Таким образом, планирование становится интеллектуальной основой всей идеологии модернизации»¹¹.

Наш несколько пространный экскурс в историю реформаторства Евразии демонстрирует, что успешные реформы осуществлялись на основе не западноевропейской традиции («рынок и демократия»), а на основе собственных, континентальных евразийских традиций, сущность которых мы определили выше как «публицитет», т. е. при посредстве властно-правовых норм и институтов.

И ныне, применительно к реформам КНР, говоря о социальных формах этих преобразований, уместно говорить не о «модернизации» (что неправомерно сближает их с западно-европейской «колёй»), а о возрождении и развитии традиционного для данного региона «публицитета» (или о контемпораризации, «некапиталистическом пути развития», «социалистической модернизации» и т. п.). При этом понимая, что речь идёт об исторически равноправных социальных формах, соответствующих одной ступени прогрессивного развития.

И, таким образом, вышеупомянутые слова, сказанные Дэн Сяопином в 1979 г. в беседе с Охира Масаёси, о том, что китайская модернизация — это *сяньдаихуа*, и его прямая отсылка к понятию *сяокан чжисцзя* (среднезажиточная семья), т. е. к китайской традиции, позволяют заключить, что замышлявшееся им обновление Китая мыслилось именно в форме контемпораризации, или, можно сказать, «социалистической модернизации». Потому-то, в свою очередь, предположения о предстоящем «переходе от командно-административной системы к рынку и демократии» сильно искажают и упрощают реальное положение с замыслами и делами реформаторов.

При этом реально существующие и прогрессирующие многоукладность общества, разнообразие форм собственности и хозяйствования, подъём рыночных отношений, усложнение и обогащение общественно-политической жизни и культуры не меняют принципиальной сущности и характера общества. Общество и экономика остаются в системе господства публично-правовых отношений, хотя при этом и сочетаются с частным предпринимательством и рыночными отношениями. Мера, пропор-

ция в таком гетерогенном сочетании и образуют своеобразие национальной модели.

На этих основных вопросах и концентрируется теоретическая исследовательская мысль российских китаеведов. Во-первых, какую роль играет в новых исторических условиях социалистический уклад в КНР, государственный и кооперативный секторы экономики, как они видоизменяются и прогрессируют? Во-вторых, каким образом обогащается, усложняется экономическая и социальная структура общества — как происходит становление и развитие рыночной экономики, частно-предпринимательского сектора, многоукладности в целом? В-третьих, как взаимодействуют социалистическая, командно-административно управляемая экономика с рыночными отношениями, частным сектором, как они сочетаются друг с другом? В-четвёртых, какую трансформацию под воздействием экономических факторов претерпевают все прочие общественные институты — власть, государство, социальные отношения, культура, внутренняя и внешняя политика страны и т. д. Поиск ответов на эти вопросы и является развернутым содержанием работ современных исследователей, занимающихся изучением КНР «периода реформ и открытости».

Эпицентром научных синологических исследований в современной России, как и в прежнем СССР, является коллектив учёных, группирующихся «на орбите» Института Дальнего Востока РАН (конечно, не только ИДВ РАН). Возглавляет ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко, международно-признанный учёный-синолог, неформальный лидер большого и плодотворного коллектива отечественных учёных. Взгляды и труды академика задают общий тон и направленность множеству научных предприятий, трудов.

Академик М.Л. Титаренко является видным современным идеологом и теоретиком того научного направления, которое было некогда основано Н.С. Трубецким, Л.П. Карсавиным, К.Э. Циолковским, продолжалось в трудах Л.Н. Гумилёва, В.В. Бартольда и вошло в историю под названием «евразийства». Общее всем «евразийцам» — это убеждённость в неколебимой самостоятельной ценности исторического пути и культурного наследия народов Востока, высокая оценка их вклада во всемирно-исторический прогресс всего человечества, вера в их светлое будущее, решительное неприятие любых форм фанатизма и снобизма евроцентристского толка.

Особо актуальной проблема избавления от евроцентризма некоторых околовластных кругов в России оказалась в 1980—1990-х годах. Причём речь идёт как о евроцентризме, получившем распространение среди некоторых приверженцев догматичного «научного социализма», так и среди прозападных буржуазно-либеральных кругов. М.Л. Титаренко вёл по-

лемику с ними. В своей работе «Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений: Сборник» (1994) учёный писал: «Закрепилось такое понимание прогресса, которое в качестве его определяющей доминанты рассматривало главным образом общественно-формационные сдвиги и динамику межсистемных различий; при этом одни социальные структуры объявлялись высшими, а другие низшими. В социалистической системе прогресс толковался прямолинейно, в сугубо конфронтационных категориях и зачастую через отрицание способности несоциалистических общественных форм к конструктивному вкладу в поступательное развитие мировой цивилизации. Такое понимание категории прогресса зачастую лишало её последователей интеллектуальной и мировоззренческой основы для сближения точек зрения по международным вопросам, которых придерживались учёные и общественные деятели немарксистской ориентации, мешало поиску путей к достижению взаимопонимания по фундаментальным проблемам мирового развития. В свою очередь в капиталистическом мире сложилось непримириимо враждебное отношение к социалистическим странам, предпринимались попытки оказания на них политического, экономического и прямого военного давления»¹². Учёный предостерегал, что «механическое заимствование и некритический подход к изучению западных моделей экономического и государственного строительства ведут к размытию системы ценностей отечественной политической и духовной культуры, ставят национальную культуру и модель развития в зависимость от зарубежной политической моды на те или иные “измы” в рамках либерализма и индивидуализма»¹³.

Подобным подходом он противопоставил идеи межцивилизационного синтеза: «Гармонизация взаимодействия и синтез восточной и западной цивилизаций выступают решающим фактором перехода от конфронтации к диалогу и сотрудничеству не только в АТР, но и во всём мире»¹⁴. Евразийское мировоззрение, стремление к диалогу и сотрудничеству позволяет российской науке избегать предрассудков и подходить к проблемам изучения стран Востока с подлинно научных позиций.

Успехи китайской модернизации, ставшие очевидными с 1990-х годов, подтвердили принципиальную историческую правоту «евразийства» и поставили очередную задачу — изучить, раскрыть предпосылки, причины, методы успешных преобразований в КНР. Решению этой задачи академик посвятил ряд новых исследований.

Достаточно вспомнить совместную работу: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. «Китай—Россия 2050: стратегия соразвития» (2006), где стоит особо выделить раздел «Экономическое развитие Китая». В данной работе, опираясь на обширный материал китайских источников, фактуры и

анализа, авторы демонстрируют практически применимые подходы, критерии, методики обеспечения общественного развития, экономического и социального, позволившие Китаю в сжатые сроки выйти на передовые мировые позиции, создать могущественное государство, эффективную экономику, решить сложнейшие социальные и культурные задачи и поставить перед собой ещё более величественные планы.

Сущностью и китайских подходов к обеспечению материально-культурного подъёма страны, и научного метода анализа китайской модернизации является так называемый градуализм. Его можно описательно определить как сознательное стремление к поэтапному решению задач, деловой pragmatism, объективную оценку успехов и неудач, свободную от идеологических штампов, настрой на конкретную работу, реализм. Такой подход китайских лидеров к делу и раскрывает работа М.Л. Титаренко «Модернизация Китая: шансы и вызовы времени» (2000).

«Выработанная в конце 1978 г. (3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва) стратегия экономических реформ и политики открытости — это тот реалистический путь решения проблем модернизации, который выстрадал Китай, — пишет он. — Она означает принципиальный пересмотр многих ортодоксальных представлений о социализме и осуждение леваческих экспериментов Мао Цзэдуна. На первый план ставится развитие производительных сил и эффективности экономики. Одновременно с отказом от приоритета классовой борьбы произошло фактическое признание идей конвергенции капитализма и социализма»¹⁵.

«Выход Китая на уровень развитых промышленных государств, планируемый на середину XXI века, т. е. к 100-летию КНР, предусматривает поэтапное решение задач индустриализации, создание современной системы предприятий и социалистической рыночной экономики до 2010 г. На следующем этапе Китай, по замыслам китайских теоретиков, полностью завершит индустриализацию, включая урбанизацию деревни и создание агропромышленного комплекса, и осуществит частичную информатизацию экономики. Эти задачи должны быть решены в течение 20 лет, с 2011 г. по 2030 г. В течение следующих 20 лет (2031—1050) должна быть осуществлена информатизация общества или строительство «социума экономики знаний». Таким образом, согласно этим прогнозам, экономика КНР в середине XXI века должна приблизиться или выйти на уровень передовых стран»¹⁶.

Развитие, как известно, осуществляется не в вакууме, оно опосредовано той или иной конкретно-исторической средой, подчинено объективно-историческому контексту, традиции. И весомой причиной успехов китайских реформаторов была сознательная опора на традицию: и традицию молодую («социализм»), и традицию древнюю («китайская специ-

фика»). Причём наблюдается закономерность: чем более высоки модернизационные достижения Китая в развитии экономики, культуры, рыночных отношений, тем более убеждённо китайские лидеры и общество говорят о своей приверженности «социализму с китайской спецификой».

И об этом всё чаще в нулевых годах говорит М.Л. Титаренко.

В одной из своих последних работ он пишет: «В конце 1990-х годов ...лидеры страны после упоения успехами начали осознавать появление новых острых и актуальных социально-политических проблем. Философия «чёрной и белой кошек» в какой-то мере перестала устраивать и левых, и правых»¹⁷. «Опыт Китая во многом проясняет вопрос о перспективах СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (*курсив наш. — Н.А.*) развития, способствуя решению проблемы превращения СОЦИАЛИЗМА из прекрасной утопии в науку»¹⁸.

В самых последних работах учёный акцентирует свои наблюдения: «Как показывают решения XVIII съезда КПК, китайское руководство по мере созревания экономических и культурно-цивилизационных условий, максимально наращивает социальную, гуманитарную и, в конечном счёте, социалистическую направленность своей политики в деле утверждения более справедливых социальных и межнациональных отношений», <...> «Китай намерен и впредь идти по неизведанному пути строительства социализма, отвечающего особенностям этой страны»¹⁹.

Таким образом, евразийство (убеждённость в жизнеспособности и достоинстве культур и народов Востока), градуализм (принцип объективного прогресса, поэтапного развития, прагматизма и реализма), социализм (или шире, приверженность государственно-политической традиции, публичитету) — всё это в совокупности характеризует подход академика Титаренко к изучению модернизации КНР. И одновременно является отличительными чертами, темами, принципами историографической «школы» академика М.Л. Титаренко. Эти черты узнаваемы во многих весьма разнообразных трудах учёных-китаеведов.

Модернизация Китая стала предметом масштабного цивилизационного и философско-культурологического исследования А.В. Виноградова, его монографического исследования «Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности» (2005)²⁰.

Автор рассматривает модернизацию Китая в широком историческом и общепланетарном контексте как один из феноменов всемирно-исторического диалога Востока и Запада, «противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности»²¹. Он ясно и строго определяется с понятийным аппаратом: «Духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений»²². Автор ис-

О МОДЕРНИЗАЦИИ ТАЙВАНИЯ: ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹

(Опубликовано: «Проблемы новой и новейшей истории Китая». М.: ИДВ РАН, 2018. С. 289—321)

Островное государство на Тайване («Китайская Республика») является и фактором развития КНР, и имеет своё самостоятельное значение в контексте восточноазиатской политики России.

Международный политико-правовой статус Тайваня является темой дискуссий между КНР и так называемой «Китайской республикой» (на Тайване). КНР настаивает, что Тайвань является частью Китая (данная точка зрения признана и в Указе президента России от 1992 г.), в то время как Тайвань добивается признания своего суверенитета. По-видимому, время и диктат реальности сближает позиции двух сторон, и они, проявив гибкость и мудрость, найдут достойный компромисс, тем самым укрепив мир, стабильность, прогресс и процветание в Восточной Азии. Вот почему, глядя в будущее с оптимизмом, российская наука и общество держат Тайвань в поле своего постоянного внимания.

Свидетельством тому является ряд современных глубоких российских исследований процессов модернизации Тайваня. Общий исторический анализ модернизации Тайваня можно найти в работе А.В. Лукина. М.В. Иванову принадлежит фундаментальный анализ экономических аспектов развития Тайваня. Политическая и идеологическая проблематика подробно рассматривалась В.Г. Буровым. В частности, этнополитиче-

¹ Статья является частью исследования по теме «Гражданское право Тайваня: история и современность», выполненного автором в качестве стипендиата Тайваня (Taiwan Fellowship Recipient) в период январь—декабрь 2018 года. Исследование стало возможным благодаря финансовой и организационной поддержке, любезно предоставленной Центром китайских исследований (при Национальной библиотеке Тайваня), работающим под эгидой МИД Тайваня. Также существенная помощь научной работе в качестве Приезжего исследователя (Visiting Researcher) была оказана Национальным Тайваньским университетом (Колледж права). Выражаем сердечную благодарность за помощь. Тем не менее всю ответственность за содержание данной работы, особенно её ошибки и упущения, автор несёт единолично и просит все замечания и пожелания, критику направлять исключительно в его адрес: E-mail: nickans1@mail.ru

ский аспект исследован в монографии В.Ц. Головачёва. Правовая жизнь острова, его государственно-политический строй были представлены в работе Л.М. Гудошникова¹.

Рассмотрение модернизации острова в гражданско-правовом аспекте важно для создания полноты картины — и для общетеоретического понимания развития страны, и для учёта возможностей делового сотрудничества с Тайванем, добившимся впечатляющих экономических и научно-технических успехов.

Этапы модернизации Тайваня

Формирование гражданского права Тайваня в XX веке происходило под влиянием его политической истории.

Начальный период становления гражданского права страны очерчен хронологическими вехами 1895—1945 гг. В рассматриваемый период Тайвань вследствие проигранной династией Цинь войны оказался колонией Японии. Он оставался ею до поражения Японии в 1945 г. во Второй мировой войне, когда по воле держав-победителей Япония была лишена её колониальных владений.

В рассматриваемый период становление правовой системы острова определялось японскими властями. Японское управление территорией и гражданскими делами населения изначально следовало местным обычаям, администрация опиралась на указ правительства Японии, изданный в 1895 г., «О порядке гражданских тяжб жителей Тайваня». Практика опираться на местное обычное право продержалась до 1923 г.

В это время происходят преобразования и в самой метрополии — в 1896 г. в Японии впервые принимают японский Гражданский кодекс. Кодекс следовал традициям кодексов Франции и Германии. Он состоял из пяти «книг» и включал европеизированные заимствования. В частности, впервые для Японии судебная власть рассматривалась как независимая от административной власти.

С 1898 г. Япония стала плавно распространять действие своего Гражданского кодекса и на колонию: японские судьи продолжали судить по образцам местного обычного права, но при этом сами местные обычаи всё чаще получали толкование в категориях японского гражданского права, тем самым был дан толчок вестернизации и тайваньского права.

Политика Японии на Тайване отличалась от политики в других колониях. С целью ослабить процессы созревания настроений самобытности, уникальности власти предпринимали шаги по интеграции населения в систему японской культуры. С 1923 г. Гражданский кодекс (ГК) Японии официально становится обязательным к применению на Тайване, все

гражданские дела, за исключением вопросов семьи и наследования, должны были рассуживаться согласно его положениям. Население было уже достаточно адаптировано к японскому праву, и серьёзных конфликтов с властями не возникло.

Период японского правления оставил в некоторых областях наследство позитивное для будущего Тайваня (хотя Япония преследовала только свои цели), и потому исследователи признают, что тогда были заложены некоторые первичные основы будущей модернизации.

С 1945 г. на основании решения Каирской конференции (1943) восстанавливается суверенитет Китая над о. Тайвань. С 25 октября 1945 г. на остров с континента распространяется правовая система Китайской Республики, а действие японских законов, в том числе ГК Японии, полностью прекращается с 25 октября 1946 г.

Далее наступает кратковременный период (1945—1949) утверждения на острове режима легитимного правления, содержавшего ряд норм буржуазно-демократического характера.

25 октября 1947 г. вводится новая Конституция (принята 25 декабря 1946 г., опубликована 1 января 1947 г.)². Она действует и поныне, хотя неоднократно подвергалась пересмотру Национальной Ассамблей (Изменения вносились в форме «Дополнительных статей Конституции» семь раз — в 1991, 1992, 1994, 1997, 1999, 2000 и 2005 гг.).

Вводится и Гражданский кодекс Китайской Республики³. В предшествующий исторический период на континенте был впервые разработан и принят Гражданский кодекс, вступавший в действие (по частям) в 1929—1930 гг. и позже неоднократно редактировавшийся. Данный кодекс является основным документом, регулирующим все частноправовые отношения в обществе. Он выстроен по системе континентального европейского права. Заимствует основные подходы и принципы законодательства Германии и Швейцарии.

Кодекс содержит пять частей. Первая часть излагает общие принципы (практически касающиеся главным образом вопросов собственности и долгов). Вторая часть трактует обязательственное право (контракты, delicta, незаконное обогащение). Третья — вопросы собственности. Четвертая и пятая части — вопросы семьи и наследования соответственно. Кодекс включил некоторые положения из традиций, обычаяев Китая: специфические институты включены в право собственности; есть особенные положения и в семейном законодательстве (например, о примаке — мужчине, проживающем в доме жены). Гражданский кодекс Китайской Республики действует на Тайване и поныне, хотя несколько раз подвергался ревизии (Общие принципы — в 1982 г., Обязательства — в 1999 г. Последняя ревизия вещного права — в 2010 г.).

Формирование власти Китайской Республики проходило не бесконфликтно. В частности, 27 февраля 1947 г. открыто проявился конфликт между аппаратом новой власти и населением острова, который символически обозначил глубокие проблемы этой страны, особо рельефно выразившиеся значительно позднее («Инцидент 228»).

Значение второго, краткого этапа модернизации состоит в том, что на острове были заложены основы его нынешнего правового строя — введены Конституция и Гражданский кодекс Тайваня («Китайской Республики»), а также ряд других законов.

С 1949 г. начинается новый исторический этап в жизни Тайваня, продолжившийся до 1987 г. Потерпев поражение в гражданской войне на континенте, на острове перемещается руководство партии Гоминьдан с воинским контингентом, новоприбывшие составили около 2 млн человек (примерно 14 % населения страны). Они взяли власть в свои руки. На острове утвердился режим военного управления.

Ещё в апреле 1948 г. на континенте в обстановке гражданской войны были приняты Временные правила на период Общей национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа. В 1950 г. принимается Декрет о чрезвычайном положении, подчинивший руководству Гоминьдана все правительственные органы, ограничивший права создания и деятельности политических партий. Президенту были предоставлены всеохватывающие диктаторские полномочия пожизненно. Было запрещено проведение демонстраций, забастовок, ограничена свобода печати. Командование гарнизонными силами получило полномочия осуществлять цензуру средств информации, контролировать связь, таможенную и эмиграционные службы. Нарушители Закона о военном положении предавались военному суду. Основой экономической власти диктатуры был Закон о сельском хозяйстве, горной добыче, промышленности и торговле в чрезвычайный период (принятый ещё в 1938 г.).

Режим мобилизации официально завершился лишь 1 мая 1991 г.

Правящая партия Гоминьдан получила в наследство аграрную страну с примитивными технологиями, архаичными социальными отношениями, нищим и необразованным населением.

В исходных условиях экономической трансформации Тайваня самой непосредственной задачей властей, особенно на начальном этапе становления режима, являлся вопрос обеспечения социально-политической и экономической стабильности страны. Со временем первичная задача естественно трансформировалась в стратегию, процесс общего модернизационного развития острова. Гоминьдан встал фактически на путь совершения «революции сверху».

При этом власти не затрагивали Гражданский кодекс, он оставался неизменным. Необходимые правовые нововведения совершались путём принятия отдельных специальных законов.

Первоочередной задачей исторического масштаба, которую смог решить Гоминьдан, были преобразования аграрного сектора страны, осуществлённые сразу же в 1950-х годах. Они явно повторяли опыт успешной аграрной реформы, осуществлённой в послевоенной Японии. Гоминьдан извлёк уроки из поражения в гражданской войне на континенте, необходимость преобразования жизни крестьянства. Было принято три взаимосвязанных специальных закона. Во-первых, в 1951 г. был принят акт «Правило о 37,5%-ной ренте на фермерские земли» (ревизован в 2002 г.), серьёзно снизивший размер арендных платежей — с 50 до 37,5 % от стоимости собранного урожая. Во-вторых, был принят ряд практических мер по продаже провинциями Тайваня общественных земель для крестьянских фермерских хозяйств (1951). При этом вводилось ограничение, чтобы отдельное хозяйство не превышало 2,9 га земли. Наконец, в-третьих, в 1953 г. реализовано правило «земля тем, кто её реально обрабатывает» (отменено в 1993 г.). Излишки свыше 3 га в хозяйстве подлежали обязательной продаже. Одновременно был создан правовой механизм для разрешения споров, возникающих в сфере землепользования.

Аграрные реформы были проведены сравнительно гладко. Благодаря им было осуществлено перераспределение земли и изменена социальная структура Тайваня в пользу производительных слоёв населения. Доля собственников земли среди хозяев выросла с 38 до 55 %, а доля арендаторов сократилась с 39 до 21 %⁴. Реформы позволили улучшить жизнь крестьянства, снять социальное напряжение на селе и обществе. Также ослабили класс местных крупных землевладельцев, которые имели возможность паразитировать на крестьянстве, могли осуществлять контроль над обществом посредством своих земельных владений и составляли влиятельную политическую оппозицию власти Гоминьдана. Накопление капиталов в сельском хозяйстве, как в руках бывших землевладельцев (деньги выкупа земли), так и у крестьянства, помогло финансировать промышленное и урбанистическое развитие Тайваня.

Успешное развитие капиталистической экономики в сочетании с серьёзным сокращением финансовой поддержки со стороны США в 1960-х годах обострило проблему нехватки капитала для малого и среднего бизнеса. Для решения задачи власти Тайваня инкорпорировали в правовую систему Тайваня ст. 9 Универсального коммерческого кодекса США, этот шаг позволил им в 1963 г. ввести в действие Акт о сделках с движимым имуществом (Act for Transaction on Movable Property) и содержавшиеся в нём правовые инструменты (ипотека движимого имуще-

ства, условная продажа, доверительное владение/траст). Реформа позволила обойти, преодолеть ограничение практики залогов, ипотеки имущества, установленное Гражданским кодексом, в рынок вовлекались тем самым дополнительные финансовые ресурсы.

Проблема эффективного использования земли для ведения сельского хозяйства тесно связана и с планировкой использования земельного фонда. Развитие промышленности и торговли в связи с подъёмом сельского хозяйства требовало реформ и в планировании земельных ресурсов. Был ревизован принятый ещё в 1939 г. Закон о планировании городов. В 1955 г. принят Принцип равных земельных прав (ревизован в 2005 г.). Затем последовали в 1973 г. Правила развития сельского хозяйства, в 1974 г. — Закон о планировании районов, в 1980 г. — Правила перепланировки сельскохозяйственных земель, в 1998 г. — Правила обновления городов. Данные законные нормы стали шагами в развитии вещного права, позволили обеспечить рентабельное управление земельным фондом.

Параллельно развивалось и природоохранное законодательство. В 1970-х годах приобрела актуальность проблема загрязнения природной среды. Были приняты соответствующие законы — Акт о предотвращении загрязнения воды (1974), Акт о предотвращении загрязнения воздуха (1975).

1980-е годы были отмечены подъёмом активности гражданского общества. Разные слои общества выдвигают демократические требования к государству. Обеспечить ответственность государства перед обществом должен был принятый Акт об ответственности государства. 1981 г.. Делу защиты трудящихся призван был служить Основной Акт о труде. 1984 г.

Таким образом, в период режима авторитарного правления Гоминьдана (1949—1986) были осуществлены глубокие преобразования экономической и социальной структуры страны. Меры прямого государственного участия в регулировании экономики сочетались с усилиями по созданию основ рыночной системы и интеграции Тайваня в мировое хозяйство. Общественный строй Тайваня на данном этапе развития может быть охарактеризован как ранnekапиталистический — решающий авторитарными методами задачи первоначального накопления, проводящий протекционистскую промышленную и торговую политику, формирующий буржуазные гражданские отношения и институты, т. е. осуществляющий задачи общей модернизации.

Благодаря всей сумме перемен на Тайване к 1987 г. период военного режима подошёл к логическому завершению. Тайваньское общество было подготовлено к переходу на новую ступень развития — подготовлено успешной индустриализацией, созреванием новых предпринимательских

и профессиональных социальных слоёв, ростом политической культуры гражданского общества.

Особенностью правовой эволюции страны в данный период было опережающее развитие отдельных правовых решений: принимались обособленные акты для решения конкретных задач. Но при этом нарастала тенденция к «декодификации» — когда Гражданский кодекс утрачивает своё центрообразующее значение.

К концу 1980-х годов страна добилась качественно нового состояния: высокоразвитая экономика, успешно вписавшаяся в мировой рынок, значительные финансовые, интеллектуальные и технологические ресурсы, обширные предпринимательские слои и хорошо образованное население. С 1987 г. авторитарный режим военного правления завершается.

В итоге Тайвань подошёл к новому этапу исторического развития, который логично следует охарактеризовать как общество развитого промышленного капитализма. В литературе распространена характеристика смысла и содержания, особенности нового исторического этапа развития этой страны как «переход от диктатуры к демократии». На наш взгляд, подобная характеристика рассматривает феномен модернизации слишком узко, в «плоскостном», излишне политизированном ракурсе. Более правильно говорить о становлении «двуухолейной модели» экономического и социально-политического развития, при которой сосуществуют, взаимодействуют и соперничают два основных полюса власти и общества — элитный и общегражданский.

Прототипом подобной модели отчасти может считаться двухпартийная система власти США — «республиканцев» и «демократов». Но при этом нужно учитывать, что модель не сводится к дифференциации парламентских политических партий. Феномен внутренней дифференциации, поляризации имеет многоуровневый, «многоэтажный» характер.

Слаборазвитое общество, как правило, консолидирует свои силы для решения общенациональных задач и преодоления препятствий его развитию, находимых во внешней для общества среде. Но с победой над внешними трудностями и препятствиями в обществе, успешном и развитом, наступает эпоха внутренней дифференциации, когда источником развития общества становится внутренняя диалектика — соперничество и взаимодействие внутренних сил общества; фокус его «борьбы за жизнь» перемещается извне внутрь самого общества, теперь внутренняя борьба толкает общество вперёд, становится источником саморазвития.

Помимо успехов в экономическом и социальном развитии радикально поменялось и международное окружение Тайваня. С 1978 г. КНР вступила на путь «реформ и открытости», провозглашённый Дэн Сяопином. С 1985 г. в СССР был провозглашён курс «перестройки», выход из

холодной войны, отказ от идеологической и военно-политической конфронтации между социализмом и капитализмом. Продолжение прежнего антикоммунистического курса теряло смыл, открывались новые перспективы и возможности.

В новых условиях всё сильнее зазвучали в адрес Гоминьдана обвинения в «диктатуре» и требования «демократии». Сформировавшиеся новые слои предпринимателей, мелких и средних, потребовали расширения своей доли в бизнесе и доходах, доступа к государственным ресурсам, ограничения власти олигархии и пресечения сращивания её с властью. Обширный средний класс и предпринимательские круги сформулировали свои политические идеи и программы, потребовав выборности и ответственности власти перед народом, перестройки многих политических и административных структур.

Обострилась и ранее скрытая, отложенная проблема — этнополитическая идентификация народа Тайваня: проявилось соперничество между «континентальными», «пришлыми» *вайшэн жень* (т. е. ханьцами, прибывшими с континента вместе с гоминдановской армией, так называемыми Mainlanders), и «коренными/местными» *бэнишэн жень* (хокло и хакка, т. е. ханьцы, поселившиеся на острове ещё до 1949 г., до гоминдановского «нашествия», плюсaborигенные племена аустронезийской группы). «Континентальные» китайцы в силу их связи с Гоминданом представляли собой некоторую элитарную прослойку тайваньского общества, доминировавшую в структурах власти и бизнеса.

В политические дискуссии оказались вовлечены и проблемы внешнеполитической и социокультурной ориентации страны, начала меняться направленность и тональность внешнеполитических концепций. Гоминьдан придавал значение развитию отношений «через проливы», пропагандировал идейное наследство Сунь Ятсена. Демократическая оппозиция ему сориентировалась на поддержку со стороны США, пристально и с симпатией изучала опыт японского управления (догоминдановский период), пестует изучение и сбережение культур аборигенов малайско-аустронезийского происхождения.

Таким образом, само понятие модернизации обрело новое содержание в новых условиях: теперь это феномены высокоразвитого капиталистического промышленного общества, развивающегося за счёт сил внутренней диалектики, движущегося путём стратегии «двухколейного развития», где «диктатура» и «демократия» — это не столкновение «отжившего старого» с «прогрессивным новым», а два полюса одного социального механизма — полюса элитарного и общегражданского. При этом элитарные силы Тайваня объединяются вокруг Гоминьдана, они образуют политическую коалицию, условно именуемую «синие». Их оппоненты собы-

раются под лозунгами Демократической прогрессивной партии (ДПП) — «зелёная» коалиция.

Разумеется, как всякие схемы, и эта схема приблизительна и условна. Недавно (май 2018 г.) в Тайбее автору довелось спросить тайваньского учёного-социолога: «Верно ли мнение, что ДПП — это партия либерализма, «партия богатых», а Гоминьдан — партия социал-демократического типа?». Он возразил: «Нет, «партия богатых» у нас — это Гоминьдан, а «партия за народ» — это ДПП. Но последнее время они стали почти одинаковыми».

Огромные перемены стали происходить и в сфере законодательного регулирования жизни общества. Диктатура мало нуждается в законодательстве, но в условиях либерального политического режима право становится важнейшим инструментом государственного управления.

К началу XXI века для регулирования сферы имущественных отношений сложился комплекс наиболее важных законов и правил, юридических актов. Ряд их был принят ещё на континенте. Напомним важнейшие из них.

1929 г. — Принята глава Гражданского кодекса/ГКТ «Вещное право». 1930 г. — Закон о земле (ревизован — 2006 г.). 1938 г. — Закон о строениях. 1939 г. — Закон о планировании городов. 1946 г. — Правила регистрации земли (ревиз. в 2007 г.). 1951 г. — Правило о 37,5%-ной ренте на фермерские земли (ревиз. в 2002 г.). 1953 г. — Правило «Земля тем, кто её реально обрабатывает» (отменено в 1993 г.). 1955 г. — Принцип равных земельных прав (ревиз. в 2005 г.). 1963 г. — Закон об обеспечении сделок с движимым имуществом (ревиз. в 2007 г.). 1973 г. — Правила развития сельского хозяйства. 1980 г. — Правила перепланировки сельскохозяйственных земель. 1989 г. — Правило администрирования посреднических операций с недвижимостью (ревиз. в 2001 г.). 1990 г. — правило обложения и отчуждения земли (ревиз. в 1992 г.). 1994 г. — толкование № 394 к Комментарию Судебного юаня (Договор о раздельном управлении общей собственностью). 1995 г. — ГК, часть «Вещное право», ст. 942 — первая ревизия. 1995 г. — Правила управления зданиями общежитийного типа *гунцзюй* (ревиз. в 2006 г.). 1996 г. — Комментарий № 400 Верховных судей Судебного юаня. 1998 г. — Правила обновления городов. 2003 г. — Правила секьюритизации недвижимости. 2004 г. — Разъяснение к комментарию № 580 Судебного юаня (правила снижения арендной платы на 37,5 % за пахотную землю). 2007 г. — Правило общественных работ (принесения жертв).

Как видно, Гражданский кодекс страны практически не подвергался ревизиям. Зато по мере необходимости власти издавали специальные законы. Подобная практика означает, что в стране постепенно нарастает

эффект «декодификации», когда базовый закон ГК теряет своё стержневое значение, множество принимаемых узкоспециальных законов и постановлений, решая текущие задачи, одновременно привносят правовую энтропию — несостыковки, противоречия, путаницу. В условиях демократического режима, парламентского управления подобное положение не приемлемо.

Новый исторический этап продемонстрировал и новые подходы тайваньского руководства к делу правового строительства: теперь тайваньские законодатели активно взялись совершенствовать Гражданский кодекс (ГК), который ранее оставался неприкосновенным. Одновременно в процесс законотворчества активно начали вступать суды Тайваня опираясь на свою судебную практику, они начали создавать важные судебные precedents, давать комментарии к законам.

Рано или поздно они должны были сосредоточиться на упорядочении в этой сфере, на возвращении ГК его основополагающего, стержнеобразующего значения, осуществить назревшие ревизии ГК.

Действующий на Тайване ГК был разработан и принят ещё в «Китайской Республике» на континенте, вводился в действие частями в 1929—1930 гг. Он регулирует все частноправовые отношения в обществе. Кодекс выстроен по системе континентального права, заимствовал основные принципы законодательства Германии и Швейцарии, отчасти и Японии. ГК содержит пять частей: первая часть излагает общие принципы, вторая — обязательственное право (контракты, delikty, незаконное обогащение). Вопросы вещного права — третья часть. Семья и наследование — темы чётвёртой и пятой частей соответственно.

История и хронология формирования Гражданского кодекса Тайваня (ГКТ) вкратце таковы.

Глава 1: «Общие принципы», принятая 23 мая 1929 г. Редактировалась: 4 января 1982 г., 23 мая 2008 г., 10 июня 2015 г.

Глава 2: «Обязательства», принятая 22 ноября 1929 г. Пересматривалась: 21 апреля 1999 г., 26 апреля 2000 г., 30 декабря 2009 г., 26 мая 2010 г. (наиболее важные ревизии — в 1999 и 2009 г. — ст. 687, 708).

Глава 3: «Вещное право», принятая 30 ноября 1929 г. Редактировалась: 16 января 1995 г., 28 марта 2007 г., 23 января 2009 г., 3 февраля 2010 г., ревизия ст. 805 — 13 июня 2012 г. (Наиболее важные ревизии: в 1995 г. ст. 942; в 2007 г. — право гарантий; в 2009 г. — Общие принципы и право собственности; 2010 г. — право пользования/узуфрукт и владение; 2012 г. — ст. 805).

Глава 4: «Семья», принятая 26 декабря 1930 г. Ревизовалась: 3 июня 1985 г., 25 сентября 1996 г., 17 июня 1998 г., 21 апреля 1999 г., 19 января 2000 г., 26 июня 2002 г., 23 мая 2007 г., 9 января 2008 г., 23 мая 2008 г., 29

апреля 2009 г., 30 декабря 2009 г., 27 января 2010 г., 19 мая 2010 г., 26 декабря 2012 г., 11 декабря 2013 г., 29 января 2014 г., 14 января 2015 г. (основные ревизии: в 1985 г.; 2009 г. — ст. 1131, 1133; 2010 г. — ст. 1118, 1059; 2012 г. — ст. 1030; исключены ст. 1009—1011).

Глава 5: «Наследование», принятая 26 декабря 1930 г. Ревизовалась: 3 июня 1985 г., 2 января 2008 г., 10 июня 2009 г., 30 декабря 2009 г., 29 января 2014 г., 14 января 2015 г. (основные ревизии: в 2007—2010 гг.).

Реформы вещного права

И важнейшая область гражданского строя общества, частноправовых отношений — это вещное право. Если контрактное право определяет обязательственные взаимоотношения физических и юридических лиц, то вещное право оформляет и регулирует отношения правообладателей с объектами права — имуществом различного рода (недвижимое, движимое).

Вещное право (wuquan-fa 物权法, Rights in Rem. Третья часть Гражданского кодекса «Китайской Республики»), действующее ныне на Тайване, функционирует уже почти 90 лет.

Структура части «Вещное право» ГКТ — сложная, она включает на сегодня 10 глав: «Общие принципы», «Собственность», «Суперфиции», «Аграркультурное право», «Сервитуты», «Ипотека», «Залоги», «Право Дянь» (аренда), «Удержание», «Владение». Часть «Вещное право» и посвящена изложению и разъяснению этих фундаментальных институтов, прав.

Часть «Вещное право» была принята 30 ноября 1929 г. Редактировалась: 16 января 1995 г., 28 марта 2007 г., 23 января 2009 г., 3 февраля 2010 г., ревизия ст. 805 — 13 июня 2012 г.

Наиболее важные ревизии: в 1995 г. ст. 942; в 2007 г. — Обеспечительное право; в 2009 г. — Общие принципы и Право собственности; 2010 г. — Право пользования/узуфрукт и Владение; 2012 г. — ст. 805.

Для понимания особенностей модернизации Тайваня представляют интерес сам процесс подготовки и осуществления этих ревизий. Его подробно исследовал проф. Чан Юнь-чен (Академия Синика).

Процесс подготовки ревизий был длительным и сложным.

Ещё в 1988 г. Министерство юстиции организовало целевую группу, состоявшую из судей и учёных-правоведов, которой была поставлена задача разработать проект ревизии части «Вещное право» ГК. В процессе свыше 300 встреч на протяжении восьми лет группой был подготовлен и передан в легислатуру соответствующий законопроект. Но он не получил одобрения.

В 2003 г. Минюст собрал новую целевую группу с исследовательской задачей. Законопроект был разделен на три части, по частям представлял-

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО ТАЙВАНИЯ¹

(Опубликовано: «Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 218—227.)

Одним из факторов развития КНР является и островное государство на Тайване («Китайская Республика»). Тайвань имеет свою самостоятельную ценность и в контексте восточной политики России. Тайвань должен быть в поле постоянного внимания российской науки и общества.

Существует благоприятная политико-правовая основа для поддержания и развития российско-тайваньских связей. Указ президента России от 1992 г., содержащий ясный тезис «Тайвань — часть Китая», ставит отношения двух стран на прочную основу, устраниет бессмысленное политикачество и никчемные проблемы в отношениях сторон и нацеливает их на прагматичное сотрудничество во имя реализации действительных национальных интересов народов в сфере экономических, гуманитарных, научных и культурных связей.

С другой стороны, и общество Тайваня обладает широким взглядом на мир: оно не стремится в тупики конфронтации, не замыкается на концепциях военно-политической конфронтации, но прилагает и значительные усилия для расширения международных связей острова, успешно наращивает свою «мягкую силу» (soft power).

¹ Статья является частью исследования по теме «Гражданское право Тайваня: история и современность», выполненного автором в качестве стипендиата Тайваня (Taiwan Fellowship Recipient - 2018) в период январь–декабрь 2018 года. Исследование стало возможным благодаря финансовой и организационной поддержке, любезно предоставленной Центром китайских исследований (при Национальной библиотеке Тайваня), работающим под эгидой МИД Тайваня. Также существенная помощь научной работе в качестве Приезжего исследователя (Visiting Researcher) была оказана Национальным Тайваньским университетом (Колледж права). Выражаем сердечную благодарность за помощь. Тем не менее всю ответственность за содержание данной работы, особенно её ошибки и упущения, автор несёт единолично и просит все замечания и пожелания, критику направлять исключительно в его адрес: E-mail: nickans1@mail.ru

В процессе наращивания «мягкой власти» тайваньского общества значительный интерес представляет развитие частноправовых отношений в этой стране, совершенствование его гражданско-правовой идеологии и законов.

Право Тайваня развивалось в контексте истории острова в последнее столетие. С 1895 по 1945 г. остров был колонией Японии. С 1949 г. Тайвань управлялся в форме военного режима, и, естественно, право играло крайне ограниченную роль в развитии страны. Но с 1987 г. страна вступает в эпоху демократических реформ — процесс, идущий и поныне.

На новом историческом этапе законодательная и политическая жизнь страны поднимаются на новый уровень масштабов и сложности решаемых проблем.

Принципиально новой тенденцией в политико-правовой жизни страны стало то, что ранее практически неприкосновенный Гражданский кодекс поныне становится важнейшей площадкой работы законодателей: он многократно ревизуется, чтобы соответствовать требованиям жизни. Гражданский кодекс Тайваня (ГКТ¹), принятый ещё в 1929—1930 гг. на континенте, и поныне является основным документом, регулирующим все частноправовые отношения в обществе.

Одновременно в процесс законотворчества активно начали вступать суды Тайваня: опираясь на судебную практику, они начали создавать важные судебные прецеденты, давать комментарии, формируя новую правовую реальность. Тем самым суды эффективно продвигали вперёд дело демократизации и модернизации страны.

В фокусе частноправовых отношений является сфера договоров, контрактного права. В целом на Тайване сложилась высокоразвитая система контрактного права, содержащая богатый правовой инструментарий для регулирования гражданско-правовых проблем.

Наиболее важной и востребованной является группа контрактов обязательственно-правовых отношений.

Договор купли-продажи (maimai qiyue 买卖契约, Sale/Purchase contract. ГКТ, ст. 345—347). *Бартерный контракт, обмен* (huuyi qiyue 互易契约, Barter contract, Exchange. ГКТ, ст. 398—399). *Взаимный зачёт* (jiaohu jisuan 交互计算, Netting, Offsetting of debts, Current account. ГКТ, ст. 400—405). *Договор дарения* (zeng`yu qiyue 赠与契约, Gift, Grant, Favour. ГКТ, ст. 406—409).

Договор аренды/лизинг (zulin qiyue 租赁契约, Lease. ГКТ, ст. 421).

Договор займа (jiedai qiyue 借贷契约, Loan. ГКТ, ст. 464, 474). Есть два типа займов — «займ (вещей) для использования» (shiyong jiedai 使用借贷, Loan for use) и «потребительский займ» (xiaofei jiedai 消费借贷, Loan for consumption). Займ для использования подразумевает, что одна

сторона передаёт собственность другой стороне для безвозмездного использования с соглашением, что после использования данной собственности сторона вернёт ту же самую собственность заимодавцу.

Договор (личного) найма на работу, трудовой договор (guyong qiyue 雇佣契约, Employment. ГКТ, ст. 482—483). **Договор подряда** (chenglan qiyue 承揽契约, Contract of hire for work. ГКТ, ст. 490). По этому контракту одна сторона соглашается завершить работу для другой стороны, а другая — оплатить после завершения требуемой работы (ст. 490).

Туристический контракт (lìyou qiyue 旅游契约, Travel, Tourist contract. ГКТ, ст. 514).

Издательский договор (chuban qiyue 出版契约, Contract for publication, publishing agreement. ГКТ, ст. 515).

Договор поручения/мандат (weiren qiyue 委任契约, Entrustment contract, Mandate. ГКТ, ст. 528). По договору поручения одна сторона доверяет другой стороне вести её дела, и другая сторона соглашается с этим мандатом.

Договор менеджера/управляющего и коммерческого агента/Агентский договор (jingliren ji daibianshang qiyue 经理人及代弁商契约, Contract of Manager and Commercial Agent. ГКТ, ст. 553, 558).

Посредничество/брокерство (jujian 居间, Mediation, Brokerage. ГКТ, ст. 565). **Договор о посреднических/дилерских услугах** (hangji qiyue 行纪契约, Contract of Commission Agency. ГКТ, ст. 576), также его называют «фидуциарный договор». Дилер — более самостоятельный посредник. Брокер — это формальный исполнитель конкретных указаний принципала, а дилер — скорее самостоятельный игрок, или зависимый партнёр принципала.

Договор депозитарного хранения, депонирование (jituo qiyue 寄托契约, Deposit, Bailment. ГКТ, ст. 589). Временная передача имущества лицу по договору для специальных целей, на целевое хранение, зависимое держание. **Договор складского хранения** (cangku qiyue 仓库契约, Contract of warehousing. ГКТ, ст. 613, 614).

Договор перевозки (yunsong qiyue 运送契约, Carriage contract. ГКТ, ст. 622). **Транспортно-экспедиционное агентство** (chenglan yunsong 承揽运送, Forwarding agency. ГКТ, ст. 660, 663).

Договор партнёрства/артели, соглашение о товариществе (hehuo qiyue 合伙契约, Partnership agreement. ГКТ, ст. 667, 670). По договору о партнёрстве две или более сторон соглашаются инвестировать капитал для цели ведения бизнеса совместно.

Пассивное компаньонство (yinming hehuo 隐名合伙, Sleeping partnership. ГКТ, ст. 700, 701). Контракт пассивного компаньонства заключается, когда одна из сторон соглашается внести вклад в предпри-

Научное издание

Николай Владимирович Анисимцев

**Становление и модернизация гражданского права
Китая**

Сборник статей (2013—2021 гг.)

Редактор *Г.П. Манчха*

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 04.04.2022.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 11,5. Усл.-изд. л. 11,8. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 50 экз.).

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.